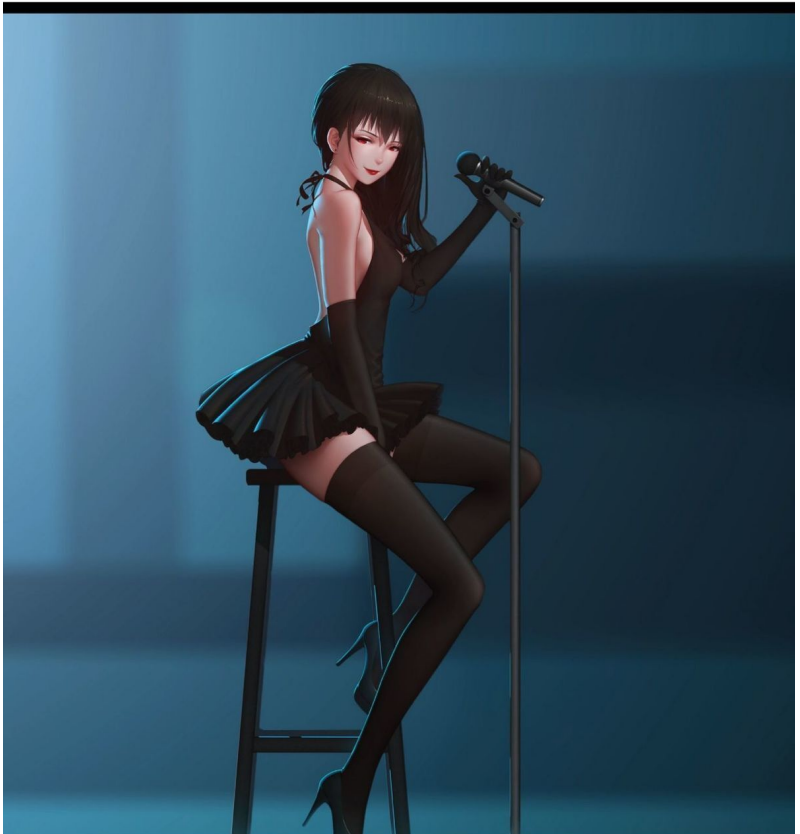

Ким Публицкий

ДОСТОЙНАЯ НЕБЕС

Ким Публицкий

Достойная небес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38612985

ISBN 9785449354204

Аннотация

Мия красиво пела, играла на гитаре, давала концерты и наслаждалась жизнью. Вдруг всё исчезло. Каждая допущенная ошибка запустила роковую цепь событий и заставила заплатить высокую цену. Чтобы вернуть потерянную жизнь, Мие нужно найти одного человека, которому она призвана помочь. Три лучшие подруги, второй шанс и один день, чтобы понять кого ей нужно спасти.

Содержание

Введение	5
Аннотация	6
Предисловие	7
Заповедь 1. Девушка которая имела всё	8
Заповедь 2. Порванная струна	69
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Достойная небес

Ким Публицкий

© Ким Публицкий, 2020

ISBN 978-5-4493-5420-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Эта книга не преследует целью что-то исказить и оскорбить чьи-либо чувства. Она не призывает поселить раздор или кого-нибудь унижить, не содержит в себе информацию радикального характера и каких-либо крайних взглядов. Все отсылки к религиозным источникам, которые в ней можно найти, являются непреднамеренными или случайными совпадениями. Книга состоит полностью из авторского вымысла, не претендующего на достоверность и не рекомендована к прочтению лицам моложе восемнадцати лет.

Аннотация

Мия красиво пела, играла на гитаре, давала концерты и наслаждалась жизнью. Вдруг всё исчезло. Допущенные ошибки запустили роковую цепь событий и заставили заплатить высокую цену. Чтобы всё исправить, Мие нужно найти хотя бы одного человека кому она не безразлична, но даже имея богатство и славу это оказалось не так просто. Три лучшие подруги, второй шанс и один день, чтобы понять кого ей нужно спасти.

Предисловие

Вы знаете, я давно хотел рассказать подобную историю, но не простую, а ту, которая, должно быть, случалась с каждым. Историю, неоправданно прошедшую мимо, несправедливо оставшуюся в жизни незамеченной. Историю о трудном выборе, о человеческой слепоте в судьбе и о непримиримой борьбе с самим собой. Пускай события в ней вымышленные, но, думаю, каждый сумеет найти в них что-то личное.

Я хотел познакомить людей с такой историей и сделать мир лучше. Так появилась эта книга. Она – моё наследие. Мой вам дар! Моё эхо...

Заповедь 1. Девушка которая имела всё

Мия очнулась посреди комнаты сплошь окутанной дымовой завесой, как от работающих всюду распылителей. Только вот дым ей казался непривычным, как на сцене, а выглядел, будто сладкая вата. Он серебрился на свету и мерцал изнутри словно крупинками сахара. В мыслях смутно проносились образы прошедших событий: шумный концерт, рёв потерявшей рассудок толпы, пугающие звуки выстрелов, жальщие толчки в груди. Всё ещё будто слышался вой сирен скорой помощи, ощущался гадкий вкус резиновых трубок во рту и чувствовался режущий глаза свет галогеновой лампы в операционной. Смутно вспоминалась суетливость врачей и стремительно охватывающий тело обжигающий холод.

После всего случившегося Мия нашла себя в объятых густого белого тумана, словно проснулась внутри мягкого облака в ясный полдень, но источником света являлось не солнце, а направленный луч из интенсивно сияющего впереди пучка. Он непривычно ярок, гораздо мощнее обычных прожекторов или софитов, но смотреть на него почему-то не больно, а, напротив, приятно, даже притягательно. Все болезненные ощущения ушли. При виде луча Мию объяла интенсивная исцеляющая радость. Вся прежняя, какую она

в жизни испытывала, теперь ей казалась фальшивой и блёклой, а эта – настоящей, искренней, живой. Свет приближал к себе и манил теплотой. Мия тянулась к нему, ощущая непреодолимую родственную связь. Эта близость вызывала в душе самые волшебные чувства, восторг воссоединения с чем-то важным, ей необходимым, родным. Всем естеством хотелось в него устремиться.

Несмотря на лёгкую растерянность, Мия себя чувствовала на редкость хорошо. Так бесподобно, как сейчас, она себя нигде и никогда раньше не ощущала. Это походило на то, что она испытывала во время прошлого концерта, когда отдавалась выступлению целиком, посвящала публике всю себя и прониклась к зрителям всем сердцем. Она щедро делилась с людьми бушующим в груди счастьем и получала искреннюю радость взамен. После каждой композиции зрители окунали Мию в овации с головой. Зал кипел, бурлил, как штормивший океан, захлёстывая шумными волнами аплодисментов. Зрители пели вместе с Мией таким громким хором, что порой заглушали мощностъ колонок в особенно эмоциональных припевах. Нечто подобное она чувствовала сейчас, только в разы интенсивнее и в окружающей тишине.

Рядом со светом возникла расплывчатая фигура в белом. Трудноразличимая, зыбкая. На ней нельзя остановить взгляд. По виду походила на врача в длинном белом халате. Мия обеспокоилась, подумала, что всё ещё находится в больнице и решила об этом спросить.

– Что это за место? Вы доктор?

– Не бойся. Здесь тебе ничего не грозит, – произнесла фигура приятным голосом, отзывающимся глубоким эхом.

Несмотря на разливающееся в душе блаженство, Мие не понравился ответ, а приятные чувства нарастающей эйфории она приурочила к действию анестетиков, наверняка вколотых в непозволительно громоздких дозах.

– А где мои подруги? – поинтересовалась Мия.

– Их здесь нет, – ответил голос.

– А куда они делись? – с тревогой полюбопытствовала Мия и обернулась.

– Остались на земле, – произнёс голос.

– А я, что нет?!

Нутро сжал страх, но едва он возник, как Мию тут же захлестнули волны нежного тепла, а когда отступили, оставили после себя приятные ласки в каждом уголке души вместе с ощущениями уверенности, безопасности и покоя. Со всех сторон её окружал клубящийся дымчатый свет. Он поглаживал ярким изучением и обезоруживал все возникшие тревоги. От некоторых облаков исходило сияние, словно они являлись нескончаемыми источниками солнечных лучей, освещавших на верхушках и освещающих всё вокруг.

– Как я сюда попала?! – поинтересовалась Мия и невольно вздрогнула.

Она вспомнила как после концерта вышла к публике давать автографы без сотрудников безопасности. Предстала

перед всеми в чёрном усыпанном блёстками сверкающем платье с лёгким вырезом декольте, огромным бантом на спине и пышной юбкой, украшенной пучками перьев. Настолько пышной, что походившей на перевёрнутый вверх тормашками бутон хризантемы. Мия отдышалась, наклонилась и подтянула сползшие чулки. Краем глаза она заметила, как стоявший позади управляющий концертом стрельнул похотливым взглядом на её стройные ножки. Мия приятно смутилась и будто случайно соблазнительно вильнула бедром. Управляющий покраснел и игриво подмигнул, дав понять, что ей будет с кем скоротать вечер. Жаль, что этот сладостный момент так и не настал. Мия вспоминала как поправила скошенный у макушки маленький полукруглый котелок, крепившийся ленточками к голове, и осторожно отряхнулась. Она волновалась, что блуждание за кулисами могло изрядно запылить сценический наряд, а самоотдача после выступления потрепать её аккуратный вид. Оказавшись перед зрителями Мия провела руками по складкам платья, стараясь стереть с себя пыль и смущающие взгляды поклонников.

Увидев Мию, люди завизжали и принялись ослеплять фейерверком фотоаппаратных вспышек. Все старались запечатлеть волнующий момент появления звезды. Публика накинулась на железные перегородки и принялась брать ограждения чуть ли не штурмом. Все старались преодолеть единственную преграду, отделяющую от любимой солистки. Люди протягивали плакаты, листовки с её изображениями, про-

совывали сквозь решётки цветы и подарки в красивых обёртках. Кто-то даже тянул замшевый футляр, в котором наверняка скрывалось дорогое обручальное кольцо.

Мия помнила, как её пугала подобная неконтролируемая страсть. Казалось, что люди вот-вот прорвутся, беспощадно накинутся на неё и целиком съедят. Промелькнули мысли о том, что она зря не послушалась предостережения охраны, но желание оправдать ожидания всех пришедших на её концерт поклонников взяли верх. Мия спешила порадовать зрителей собственным присутствием, не дожидаясь официальной автограф-сессии и поскорее к ним выйти. Она целиком находилась поглощённой ощущениями безграничного счастья и, несмотря на усталость после концерта, стремилась со всеми его разделить. Мия хотела поделиться переполняющей сердечной радостью с каждым. Она просто не могла всю её в себе держать.

Мия вспоминала как подходила к визжащим поклонникам на расстоянии вытянутой руки. Позволяла до себя дотянуться, вызывая у некоторых потерю сознания, то ли от счастья, то ли от избытка эмоций. Под давлением беснующийся толпы стальные решётки прогибались всё сильнее, трещали и угрожающе скрипели. Поддерживающие их сотрудники концертного зала, стиснув зубы, всё громче кричали, призывая Мию уходить, но она принимала подарки от гостей с неистощимой радостью. Не хватало рук, чтобы всё сразу брать, а самой оставлять взамен хотя бы росчерк на бумаге.

Вглядываясь в сияющие от счастья лица поклонников, Мия испытывала неиссякаемую радость и разделяла её со всеми присутствующими.

Вдруг настроение толпы тревожно изменилось. Люди взволнованно загудели. Завизжали девушки. Кто-то крикнул: «Смотрите, пистолет!».

Три выстрела прозвучали будто хлопки оваций. Четвертый пришёлся в стрелявшего от собственной руки, но никому ни до кого уже не было дела. Люди панически бросились врассыпную, визжа и расталкивая друг друга. Никто, кроме подбежавшей охраны, на смертельно раненную Мию даже не посмотрел. Пули попали в грудь и живот. Мия вспомнила, как повалилась с ног, сбросив с глаз темные очки и разбив их на осколки.

Перед глазами пронеслась череда воспоминаний, с трудом заставляя верить в произошедшее.

– Неужели я умерла?! – спросила Мия.

– Отпущенное тебе время вышло, – ответил голос подрагивающим мерцанием источника света.

– Выходит, всё, что говорили о вере – правда! На небе действительно кто-то есть! Вы существуете!

Мия была потрясена увиденным до глубины души. Она приходила в шок от удивления и ужаса, и не знала, что сказать. Весь мир в её глазах перевернулся! Стал виден с совершенно другой неведомой ранее стороны, и она почувствовала огромную скорбь разочарования, что во время жизни

веру проигнорировала и не смогла познать. Мия тосковала по утраченному и горевала по упущенному времени. Она захотела начать всё заново, но понимала, что это невозможно.

– А как же друзья?! Я не могу вот так их оставить! Они не могут без меня!

– Настала пора тебе покинуть земной мир. Так определено, – сказал силуэт.

В его тоне Мие слышались нотки грусти и разочарования.

– А мои поклонники, музыка, фанаты?! Я ещё столько всего хотела сделать!

– Неужели даже сейчас, оказавшись здесь, ты ещё придаёшь всему этому значение? Осмотрись, вспомни, в чём истинная важность, – ответил голос.

Мия хотела отойти, но, глядя на свет, испытала одолевавшее наслаждение от его гипнотического притяжения. Вглядываясь в лучистую глубину мерцающего пучка, Мия мутной интуицией воспоминала его природу, так будто, давным-давно всю её целиком знала. Словно она когда-то раньше прибывала за границей мыслимого восприятия. Находилась по ту сторону рождения. Всё, что там за ним – было вне времени и пространства. Стоило Мие только об этом подумать, как она мигом обрела знания обо всём, что за светом и о том, что под ним. Эти знания вселяли благоговение и страх. Истинную, неподдельную нужду в спасении, но сама спастись она не могла. Вся земная жизнь тут же показалась

Мие одним мигом на фоне существовавшей по ту сторону вечности. Все ценности, заботы, казавшиеся ей ещё недавно такими нужными, нынче уместались в одно мгновение её недолгого земного бытия. Виделись как горошина на раскрытой ладони. Сейчас они обернулись тщетными и бессмысленными. Вся прежняя суeta ничего не значила в сравнении с ожидающей на той стороне родной бесконечностью. На Мию нахлынули восхитительные ощущения от воспоминаний её прежней жизни за источником света, где она изначально создана, и вызвали яркий интенсивный восторг, ни в какое сравнение не идущий со всем тем, что она испытывала ранее.

Мия не смогла уйти от столь подавляющего влечения. Глядя на свет, ей казалось, что она всегда была его частью, раньше в нём жила. Там её ждала оставшаяся в вечности небесная семья, близость и общение с ней, приносящие счастье. Отправившись на короткое мгновение жизни в земной мир, она её вынужденно покинула и теперь по всем невыносимо скучала. Сейчас больше всего на свете Мия хотела к ней вернуться. Она уже не беспокоилась о тех, кто остался на земле. По ту сторону света во вневременном бытии они мгновенно очутятся вместе с ней – такие же невинные души, как и она, выхваченные для рождения в теле безмятежные скитальцы священной глубины. Мия вспомнила, что на самом деле когда-то очень давно она знала их всех до единого очень близко. Они являлись ей духовно родными братья-

ми и сёстрами и все в конце концов вновь окажутся вместе с творцом и продолжат бесконечный полёт наивысшей радости, гармонии, совершенства и чистоты.

Мия начала приближаться к свету, возноситься наверх и вокруг в дымке туч стали перед ней проявляться все её земные дела. Они всплывали повсюду среди белёсых облаков, как образы воспоминаний, вызывая отклики самых счастливых эмоций.

Мия видела себя на концерте. Смотрела на себя со стороны и наблюдала как стояла у стойки микрофона и всех поражала излюбленной техникой пения. Сцена её красила. Во время напряженных припевов под нарастающую мелодию Мия не обрывала и без того натянутые до предела звуки, а нежно отпускала в свободный полёт. Только Мия могла так делать, а её умелым голосом это получалось особенно великолепно. Её бесподобное пение возносило слушателей до небес и затрагивало самые глубокие чувства. Энергия творчества целиком передавалась людям, завладевала мыслями и переносилась в души, подчиняя тело волнительным ударам музыкального ритма.

Участницы группы временами намеренно ослабляли звучание мелодии, позволяя залу во всю петь. Шотоха приглушала барабаны, Лиццу мягче давила на клавиши, так аккуратно и бережно, что едва их касалась, а Дзюнка и вовсе отпускала струны гитары.

Сейчас Мия смотрела за выступлением со стороны. По-

висшее рядом облачко показывала его в себе словно на экране телевизора.

Зал было особенно слышно в начале тихих вступлений песен, но потом оглушительно громко уже и во всех куплетах и припевах. Под конец концерта люди просто не давали Мие исполнять соло, а оборудованию воспроизводить голоса и звуки. Зрители беспощадно обрушивали на исполнителей всю силу хорового пения. От превышения мощности сгорела колонка с усилителем. Пришлось сменить два адаптера, а сцену остужать мощным кондиционированием. От постоянных скачков и выкрутасов на гитаре у Дзюнки под конец лопнули струны. Она всё время прохаживалась вдоль сцены, пробуя на удобство облегающий тело комбинезон в чёрно-белую полоску. Изгибалась так, будто старалась проверить его на прочность во время резвых танцев и прыжков с гитарой. В движениях Дзюнка иногда рукой проверяла причёску, стараясь понять, не растрепались ли волосы. Она носила короткую стрижку с гладко уложенными широкими прядями салатного цвета, делавшими её голову похожей на кочан капусты.

Лицу весь концерт стояла за синтезатором и играла на нём с должным пристрастием. Сверху её облегла лёгкая блуза с кожаными ляпочками, открывала руки и плечи, а в низком декольте ярко красовались цветные узоры татуировок. На ногах блестели порванные лосины, стянутые сверху до неприличия узкими, короткими шортиками.

Должным прикрытием им служила перевязанная рукавами на поясе кофта в яркий зелёный горошек. Видя лучшую подругу со стороны, Мие показалось, что ей леггинсы медведь порвал. Заметив это, она не удержалась и брызнула смехом, боясь даже предположить, что случилось если бы Лиццу внезапно подпрыгнула. Наверняка бы трусы сзади засветила. Оставалось только надеяться, что подруга их носила. Лиццу играла с тройным остервенением и для этого ей не нужно было носиться по сцене как угорелой. От напряжённой игры у неё даже запала одна клавиша на синтезаторе.

Из-за усердных ударов Шотоха порвала один из барабанов. Её уносила музыка. Она играла так яростно и свирепо, что не замечала ничего вокруг. Шотоха сидела за барабанной установкой по привычке широко расставив ноги и без обуви, так она лучше чувствовала педали и усердно жала на них босиком. Она была одета как всегда, в мешковатых штанах и свободной белой майке с поддетым топом. Шотоха придерживалась консервативных взглядов в одежде, всегда носила одни и те же вещи и редко их стирала, считая, что ткань впитывала удачу. Но зачастую ничего кроме пота от игры на ударных на ней не оставалось, и вонь от него являлась частым поводом для всеобщего негодования.

Несмотря на весьма колоритный образ, со стороны, группа Мие нравилась и казалась даже забавной. Лиццу, выглядела длинной и вытянутой, как огурец. Мия была цветком, Дзюнка – капустой, Шотоха – из вредности – картохой,

и все вместе они на сцене казались группой поющих овощей на огородной грядке. Забавно, но так их ансамбль и назывался.

Наблюдая выступление в облаке, словно одна из зрителей, Мия увидела, как во время песен выбивалась из привычного ритма и Шотохе приходилось всё время его выравнивать. Приручать ноты оказывалось трудно. Виной тому были вольные импровизации Мии. Времени разбираться не было, Шотохе только и оставалось, что иногда хватать тарелку вместе с ударом палочки и гасить непослушные звуки.

Шотоха целиком окуналась в музыку, создавала собой темп, которому все вокруг повиновались: и Дзюнка, и Лиццу, и публика, и даже Мия. В этот раз она выбрала себе довольно необычные барабаны – с прозрачными стенками наполовину наполненными синеватой водой. Они подсвечивались со всех сторон и переливались голубыми огнями во время сценических эффектов. Когда Шотоха со всей силы била палочками, то барабаны поднимали в воздух брызги, словно светящиеся фонтаны, а взрывы фейерверков во время шоу повторяли их мерцание пёстрой россыпью искр. Мощные удары слышались раскатами грома. Колышущиеся сзади темные полотна занавеса с блестками казались подгоняемыми ветром тучами. Они сверкали в лучах света, будто всполохами молний, а летящие ото всюду капли создавали впечатление, словно Шотоха играла в грозе. Публику очаровывало такое восхитительное исполнение, а оседавшая на сце-

ну влага приятно охлаждала музыкантов, будто во время дождя.

Глядя на выступление, которое показывало облако, Мия вспомнила как плакала от радости, едва владея голосом, и с трудом не позволяла ему дрожать. Она испытывала ни с чем несравнимые восхитительные чувства наивысшего блаженства. Ловила этот волшебный момент всем сердцем и душой. Кожа покрывалась мурашками от макушки до пяток. Тело сотрясалось от переполнявших нутро приятных ощущений, а из горла вместе со словами песен вырывались торжествующие крики. Ещё немного и Мие казалось, что она оттолкнётся от сцены и взлетит. Подпрыгнет к облакам и пересечет вместе с музыкой весь небосвод. Подхватываемая прожекторным светом, она устремится прямиком на небеса и столкнётся с бесконечным, необъятным, вечным. Видимо на самом деле так и произошло.

Всё походило на сказочный сон, навеянный волшебством. Никогда прежде Мия не была так счастлива и, сейчас, со стороны вглядываясь в лица людей, понимала, что большинство зрителей на концерте чувствовали тоже самое. Она устраивала им настоящий праздник музыки. Желала целиком раствориться в их сияющих глазах и остаться поглощённой неиссякаемой пучиной восторга. Мия хотела принять в себя весь радостный зрительский рёв. Его впитать, им насытиться и исцелиться от страхов и тревог. На её памяти аудитория так никогда ещё вместе с ней не пела, столь близко не разде-

ляла всю полноту эмоций, так глубоко не сопереживала. Мия ни разу ещё себя так восхитительно не чувствовала. От волнения она, как и всегда, терялась, путала ноты и, переглядываясь с подругами, временами не знала, что и как играть. Приходилось импровизировать, на ходу сочинять новые партии и переигрывать части уже известных песен. Но публика не слышала ни ляпов в выступлении, ни звучащих иногда фальшивых нот. Зрителей волновала только непрерывная музыка, волшебный голос Мии и ничего кроме.

Песни звучали одна за другой, вихрем захватывали у всех присутствующих мысли и чувства, кружили в зале вместе с овациями и смешивались в один сплошной неиссякаемый восторг. Лиццу, Дзюнка и Шотоха играли не переставая, со всей самоотдачей исполняли требования голодающей до музыки толпы, щедро выдавая в зрительский зал громовые удары и гитарно-синтезаторские запылы. Паузы между композициями не ощущались, превращая музыку в единую великолепную симфонию, полюбовавшуюся всем. Выступление сопровождалось потрясающим световым шоу из фейерверков, дыма и прерывистого мерцания световых огней. Зрители становились его соучастниками и помогали выступавшим, поднимая вверх заранее выданные, люминесцентные палочки. Они светились в темноте, создавая в полном зале море разноцветных перемигивающихся огней, как мерцание светлячков в пруду посреди вечерней тёмной глади. Завораживающее, волшебное, чарующее. Создавали сверка-

ющие волны, будто рассыпанными разноцветными искры, идущими рябью вдоль воды.

Облако, отображающее воспоминания концерта, неторопливо от Мии отплыло. Рядом возникла сразу же чередка других. Они показали, как Мия помогла Дзюнке в музыкальной карьере, исполняя её мечту, как спасала Лиццу от её губительных привычек, как поддержала Шотоху в моменты болезней, лишений и нужды.

Всюду перед Мией возникали картины её бескорыстной заботы о людях, которых она встречала всего однажды. Позже она даже забывала их лица и то, чем им помогла, но они её помнили всегда и на всю жизнь оставались благодарными.

От нахлынувших воспоминаний Мия разливалась в приятном море теплоты, притягиваясь к свету, но чем ближе он становился, тем сильнее Мия замедлялась. Что-то тянуло её вниз, дальше от источника сияния и она не знала, что. Притяжение хороших поступков ослабло, оставив Мию вдали от сияния, а неведомые силы снизу прекратили опускаться назад. Возникло равновесие. Поняв, что дотянуться до света Мия всё ещё не может, она начала судорожно оглядываться, стараясь выяснить причину остановки.

– Что случилось?! – испуганно спросила она у силуэта.

– А ты разве не видишь? Присмотрись, – ответил он, отозвавшись в голосе тоном жалости и глубокого сочувствия.

Мия осмотрелась и внизу, среди искристой ваты облаков, заметила редкие серые тучки. Маленькие, затерявшиеся

в белой глубине они едва просматривались среди разлитого вокруг мягкого света. Мия осторожно приблизилась к ним и увидела, как в туманных миражах они являли видения её прошлого, в которых она встречалась с мужчинами, наслаждаясь лестью и похвалой. Крутила и вертела их чувствами, как хотела, нещадно разбивая сердца всем, кому не отказывала в близости. Воспоминания тут же отозвались приятной гордостью и тщеславием, с одной стороны души – сладкими, а с другой – мерзкими и отвратными. И той второй, очищенной от греховных желаний плоти, сейчас в Мие оказалось намного больше. Оставшись в небесной чистоте теперь все эти её поступки вызывали отвращение.

Одно из тёмных облаков медленно подплыло к Мие и показало, как она опоздала на концерт.

– Ну где это лопухое недоразумение?! Вечная опоздунья, даже на вручение объединённой награды музыкальных фестивалей в прошлом году умудрилась вовремя не прийти! Опять, небось, с каким-нибудь мужиком всю ночь провалялась, а мы тут её ждём, – недовольно проговорила одна из участниц группы.

– Хватит ворчать! Уж кто бы говорил?! Зато вы с Дзюнкой вечно свои партии торопите, будто не слышите общий ритм – торопыги! Что ты на барабанах, что она на бас-гитаре. Если бы внимательнее всех слушала, то знала бы об этом, Шотоха!

– Сами за нами не поспеваете, ползунки! – ответила Дзюн-

ка.

– Мия совсем как ребёнок! Безответственная, легкомысленная! – продолжала возмущаться Шотоха, постукивая по барабанам палочками.

– А мне нравится, – проговорила Лиццу. – Она конечно временами несуразная, чудная, но такой быть от неё требует творчество. Слова её песен летят в тебя словно бабочки из цветов, задевают по щекам и волосам. Когда слушаешь пение Мии, то сидишь словно весь в пылице и начинаешь светиться изнутри. Её музыку услышишь, как луч солнца выпьешь.

– Ты её слишком превозносишь, – хмуро ответила Шотоха.

Мия видела всех участниц группы со стороны. Ей были приятны комплементы от близкой подруги, но сплетни от остальных задевали за живое. Она всеми силами старалась не обращать внимание на замечания в свой адрес, но время от времени подобные разговоры в группе у них не переставали возникать, просто Мия не всегда о них знала. Участницы часто между собой обсуждали её пёстрые, до абсурда разнообразные наряды, исполненные порой в совершенно китчевой форме. Неприятно выражались, говоря, что она одевается как мойщица унитазов на карнавале, и что похоже её плебейские корни никакой славе не истребить. Они иногда не могли выносить её временами вульгарный, дерзкий колоритный образ и бунтарский, свободолюбивый нрав.

Мия за это всех участниц группы недолюбливала и порой не могла простить, хотя подруги перед ней многократно извинялись. Она испытывала к ним ввевшуюся в сердце злость и неприязнь, как будто за совершённое предательство. Мия временами полагала, что могла и вовсе распустить группу и без всех обойтись. Она источник творчества, если надо соберёт любой коллектив снова. Мия думала, что все завидовали её бесподобному таланту, но сама не знала, что подруги больше сердились на её заносчивое поведение, халатность, хвастовство и безответственность.

Тёмное облако отплыло, оставив едкий след горьких впечатлений, а за ним появилось другое. Оно показало, как Мия после концерта осталась вместе с подругами в гримёрке обсуждать выступление.

* * *

– Я так устала, ноги еле держат, руки не поднимаются, да же волосы болят.

Мия развалилась на стуле, скинула изящные лакированные туфельки и смогла, наконец, позволить себе отдохнуть. После концерта даже сверкающие на платье блёстки устало потускнели. Померкли как звёздочки в раннем рассвете.

– Какой оглушительный успех! – переводя дыхание, обрадовалась Дзюнка.

– Нет, ну вы видели, что вытворяла толпа?! – возвысила

голос Лиццу.

– Резвились как дети, – ответила Шотоха. – Надо было нашу солистку в них закинуть. Пускай вместе порадовались, – усмехнулась она.

– Хорошо, что на сей раз до этого не дошло, – Лиццу на пряглась и нахмурилась.

– Мда, не удалось мне сегодня поплавать в толпе. Кажется, я до сих пор даже отсюда слышу их крики! – почесала в ухе Мия.

Оно показалось из-за боковых прядей волос и стало выглядеть широким и оттопыренным.

– Какой у тебя острый слух, не даром такие локаторы отрастила, – заметила Дзюнка и осмотрела гитару.

Порванные струны завернулись у конца грифа закрученными усиками.

– Тебе, наверное, больно. Моя бедненькая, перетрудилась, ну отдыхай, отдыхай, – погладила она лады.

Лиццу и Мия посмотрели на подругу как на сумасшедшую, но им было уже привычно чересчур трепетное отношение Дзюнки к своему музыкальному инструменту.

– Трудно поверить, но я сама такого буйства ещё никогда не видела, – удивлялась Шотоха. – Оно даже опасно.

– Ну, ты всех и зажгла! Столько вокальной импровизации, принятой залом, смелости и энергии! – восторгалась подругой Лиццу. – Даже нас немного напугала.

– А мне нравилось! У вас были такие забавные лица, ко-

гда я на ходу песни переигрывала. Вы так пугались, словно не понимали толи я ноты путаю, толи так специально делаю! – рассмеялась Мия.

– Очевидно, что второе являлось причиной первого, – скептически заметила Шотоха.

– Но ничего, на видео концерта я покажу все особенности ваших удивлённых физиономий.

Мия нашла ироничным собственное заявление. Теперь глядя на всех через облачко со стороны она сама видела то, что обещала подругам показать.

– Вот же вредина! – возмутилась Дзюнка.

– Ах ты ядовитое растение! – рассердилась Шотоха.

– Как думаешь, водой из вазы в неё плеснуть или цветами по жопе отхлестать? – спросила у неё Лиццу с издёвкой.

– Не, слишком легко в этот раз отделается?

Глядя на подруг, Мия испуганно вжалась в спинку стула.

– А может, в зал её трусы зашвырнём?! Публика ещё не разошлась, – предложила Лиццу.

– Вот народ порадует! – согласилась Дзюнка.

– Я знаю, где они лежат! – Лиццу побежала к тумбочке, резко открыла и достала изнутри одноименный предмет нижнего белья.

– Нет, девочки! Не дразните меня пожалуйста! – нашла в себе силы встать Мия и принялась отбирать у подруг трусики.

– Не волнуйся, это ж мы, любя! – ехидничала Шотоха.

Лиццу перебросила трусы Дзюнке. Та поймала и передала Шотохе. Мия бегала, вытянув руки, и старалась вернуть любимые розовые стринги, но не успевала и всё больше уставала. Подруги задорно перебрасывались ими между собой, но в конце концов сжалились и дали Мие их схватить. Она едва могла двигаться от мертвецкой усталости.

– Ладно, на этот раз прощаем. Ты и впрямь была сегодня неподражаема! – сказала Лиццу, передавая Мие трусики.

– Правильно, хвалите меня! Да я великолепна и не вижу смысла это скрывать! – довольно потянулась Мия, сжимая в руках скомканные предмет нижнего белья.

– Выпендрёжница! – укорила Лиццу.

– Вокалистка! – гордо возразила Мия, но поймав на себе сердитые взгляды подруг, тут же смиренно уселась.

– Не зазнавайся, а то снова напросишься, – пригрозила Шотоха.

– Только не трогайте пожалуйста больше мои трусы, – ответила Мия и сунула нижнее бельё обратно в тумбочку.

– Если будешь и дальше так себя вести, то мы вообще тебе их скормим.

– Не надо, простите, – извинилась Мия.

– Ты поосторожней в следующий раз, бывает не все люди могут оказаться готовы к твоей чересчур энергичной импровизации. Теперь их только полицией и разгонять, – обеспокоилась Шотоха.

– Да ладно тебе страх наводить. Ты представь, сегодня

благодаря нам у целого города будет настоящий праздник! – радостно произнесла Мия и хлопнула в ладоши.

– Ага, и, похоже, завтра тоже, – иронично добавила Дзюнка.

– Да, несмотря на твои косяки, нам повезло, хотя с тобой халатностью я не удивлена, что ты допустила столько ошибок, – недовольно упрекнула Мию Шотоха. – Я слушать не могла как ты постоянно сбивалась, то в ноты не попадала, то звук не держала. Как будто вообще разучилась делать плавные скользящие переходы на струне.

– Ну, как получалось.

– Тебе категорически нельзя вести концерт! Вообще никудышное исполнение песен, на ходу выдуманное!

– Ага, особенно последней! – обидчиво вставила Дзюнка. – Мы же договаривались мою версию вступления исполнить!

– Импровизация – лучшее дополнение запланированности и признак виртуозности! – не упустила возможность сама себя похвалить Мия.

– Надо было сыграть совсем другую аппликатуру! Ты сбивала всех с толку! – продолжала втолковывать Шотоха.

– Безумие и вседозволенность! – шутливо проговорила Мия.

– Тебе музыкальный инструмент вообще противопоказано давать! – негодовала Шотоха. – От тебя только один толк – певица верхним ртом!

– В смысле верхним?!

– У таких похотливых извращуг как ты два рта!

– С чего это?! – поинтересовалась Мия.

– Там, где губы, там и рот – верхний и нижний, и один прожорливей другого! Теперь всё ясно почему ты заняла место ведущей вокалистки. Ты простоте не умеешь ни на чём играть! Зато поешь вдвойне красиво!

– Я умею играть голосом! – возразила Мия, не понимая толи это было оскорбление, толи комплимент.

– Так что везет тебе, что мы всё музыкой исправляем! С твоей гитарой как никак, но звук у нас выходит богаче! – продолжила Шотоха.

– Вот именно! Зрителям понравилось! – смутилась Мия.

– А ты не говори за них!

– Я их слышал-а-а-а-а!

Шотоха и Дзюнка обошли Мию с боков и принялась тянуть её за уши.

– Перестаньте, девочки, – вступилась Лиццу. – Вы же знаете, она старалась.

– Вот именно Шотоха-картоха! Я разволновалась, устала, а когда переживаю, то с трудом могу петь и играть одновременно! Вот и пришлось придумывать, – оправдалась Мия, потирая покрасневшие мочки.

– Не ленишься тебе надо и репетиции пропускать, а играть до седьмых мозолей.

– А она у нас прогульщица, сачковать любит, – Лиццу

шутливо пригрозила пальцем подруге.

– А как ты умудрилась в начале концерта прямо в микрофон чихнуть?! – вспомнила с улыбкой Дзюнка.

– Весьма удачное начало, – сыронизировала Шотоха.

– Не напоминай, – смущенно ответила Мия.

– Надо, кстати, за хризантемами сходить. Их запах меня всегда успокаивает.

Мия попыталась встать, но ещё не до конца восстановив силы, так и осталась сидеть на стуле.

– Куда повадилась?! – остановила её Шотоха. – Сиди пока, отдыхай. Помнишь, завтра вечеринка, так что набирайся сил, а мы с девчонками за цветами смотаемся. Будешь сидеть и самые пахучие весь оставшийся вечер разглядывать. Видела, сколько надарили? Всю сцену завалили, даже сюда принесли, – улыбочиво добавила она, глядя на стоявший у зеркала пышный букет.

– Конечно, мои любимые! Это я в перерыве попросила.

Мия пододвинулась, нырнула носом в цветы и с наслаждением втянула их горьковатый, но не лишённый нежности аромат, разбавленный оттенком полевой свежести.

Впервые она увидела хризантемы в одной из цветочных теплиц отца в детстве. Ей нравилось туда приходить и подолгу засиживаться. Мия скучала по тем временам, жаль, что её отношения с родственниками не сложились. Тогда хризантемы Мию невероятно поразили. Ей нравилось заглядывать вглубь бутонов и наблюдать, как в сердцевине почковались

лепестки. Если долго на них смотреть, то казалось, что они могли сами двигаться и шевелиться. Между собой общаться, перешёптываться и где-то там, в скрытой глубине, жить собственной ни на что не похожей жизнью.

Мия одобрительно кивнула и, полная благих ощущений, как смогла, расслабилась.

– И пошлите за управляющим концерта! Мне надо с ним поговорить! – обратилась к уходившим подругам Мия.

– Зачем это?! – с претензией спросила Шотоха.

– Опять для вдохновения? – пытливо взглянула Лиццу.

– Нет, ничего такого, – застенчиво ответила Мия.

– Расскажи мне ещё! Я видела, как вы с ним переглядывались! – возмутилась Шотоха. – Тебя вообще с мужиками одну оставлять нельзя, совратишь любого!

– Снова хочешь потешить свои маленькие слабости? – поинтересовалась у Мии Лиццу.

– Да они не маленькие у неё, а просто огромные! – негодовала Шотоха. – Остынь немного и останови свой неуёмный аппетит! До добра он не доведёт! Попридержи хотя бы до вечера!

– Я подумаю, – надув щёчки, пробубнила Мия, а сама в тайне предвкушала сокровенное, интимное удовольствие, когда она останется с управляющим концерта наедине.

Наблюдая за собой из тёмного облака теперь Мия осознавала всю свою дикую порочность и ей стало невыносимо на себя такую смотреть. Она не могла видеть эту грязь

и отвернулась. По соседству в облаке Мия увидела, как часто перед прессой восхвалялась. Как она была тщеславна, величественна и превозносима и как с удовольствием купалась во всеобщем обожании, пустой фальшивой славе и безликой любви.

В другом облачке рядом, как в негативе, проявились события её давнего прошлого, где она утром, как всегда, опоздала на одну из репетиций, решив, что без неё остальные участницы группы не начнут. Мия подумала, что слишком важна и позволила себе подольше поспать. Музыканты играли в старом гараже, где искажалась акустика, порой перерастая в излишний звон. Мия остановилась у двери и случайно подслушала разговор подруг. Они злоязычно обсуждали её недостатки и не гнушались припомнить все пакости, которые она им сумела невольно или намеренно совершить.

* * *

Мие стало неприятно. Она отдалилась от этого серого облака и вернулась обратно к первому. Там она вновь увидела себя на концерте, услышала, как от одного её вида публики приходила в неудержимый восторг. Мия почувствовала похвалу, вспомнила как зрители скандировали её имя, осыпали её комплиментами, звучавшими для ушей, как сладкий мёд. Она собой восторгалась.

– Так вот они какие, небеса, – Мия подошла и осторож-

но коснулась расплывчатой дымки, но та от неё пугливо ускользнула.

– Да, но они теперь не для тебя, – строго сказал голос.

От его ответа Мию охватил панический ужас.

– Но-но я же раньше там всегда была! Верните меня обратно! Пожалуйста, там мой дом! – жалобно воскликнула Мия, указывая на свет.

– Уже нет.

Мия дрожала от страха. Она чувствовала себя отвергнутой, и теперь её тревоги не унимали ни мягкий свет, ни бережные объятия облаков. Ей становилось страшно до невыносимости, и она не знала, как это чувство преодолеть.

– Почему я не могу войти?!

– Ты сама видишь ответ, – обратил внимание голос на редкие серые тучи.

Они отражали в себе тоску, похоть и тщеславие, столь близкие Мие в жизни.

– А что тут такого?! – обратилась к силуэту Мия. – Это нормальные человеческие чувства, они делают нас людьми! Все их испытывают!

– Эти эмоции – искажённое отражение земного мира и населяющих его людей. Ты ведь знаешь, сама помнишь, что в месте твоём обетованном, истинном, всё совсем иначе. Но очиститься ты не смогла и вернуться туда не готова.

Мия снова хотела приблизиться к свету, но путь ей перегородил всё тот же белый силуэт, который даже вблизи не об-

ретал ясные очертания.

– Ты уверена, что хочешь войти? – настойчиво спросил он.

– Да! Почему вы не пускаете меня?! – не в силах подняться выше, спросила Мия.

– От чего же нет? Пожалуйста иди. Отец совершенный ждёт каждого и тебя всё ещё ждёт, но сможешь ли ты предстать перед Ним и оправдаться своими делами, являющими в себе гордость, гнев и честолюбие?

– Всего-то! К тому же их не так уж и много!

– Даже одного достаточно.

Мия сама попыталась снова подняться к свету, но у неё не вышло. Ноша оказалась неподъёмно тяжела.

– Помогите мне!

– Я не могу, – ответил голос с сожалением.

К Мие вновь приблизились серые тучи и снова открыли туманные видения её прошлого. Она увидела множество мелких явлений самой себя: как ругалась с подругами, как гуляла с парнями ночи на пролёт, неизвестно, где и у кого просыпаясь, соблазняла своего финансиста Измаила, и даже момент соблазнения управляющего на сцене её последнего концерта среди всего ряда заметила.

– Собственным образом ты вызывала чрезмерное восхищение и для кого-то порой превращалась в идола. Склоняла к грехам. Взгляни, как ты поступала, разве тебе было не приятно, когда на тебя смотрели с вожделием? И ты не наме-

ренно вызывала похоть?

– Я так вдохновлялась! К тому же это проявление любви, разве нет?!

– Так ты только плотский голод утоляла и углубляла сердечную пустоту. Заставляла мужчин исполнять все твои мимолётные капризы, но на самом деле ничего не получала взамен, – силуэт начал обращать внимание Мии на её порочные дела.

– Я не специально, оно само! Вернее, они сами! – пыталась оправдаться Мия. —Можно подумать другие так не поступали, и вы, между прочим, сами меня создали привлекательной! Зачем тогда теперь за всё это спрашиваете?!

– Тебя сотворили красивой, потому что любили, – ответил голос. – Прискорбное применение ты нашла своей красоте.

– Но я всем помогала! Взгляните!

Мия схватила первое попавшееся под руку белое облако и показало силуэту. В лучах света на нём проявились недавние события из жизни Мии.

* * *

В гримёрку после концерта ввалился тучный мужчина средних лет с одутловатым пузом, отдающим маслянистым блеском, гладковыбритым пухлощёким лицом и низким подбородком. Он носил всегда аккуратно выглаженные рубашки и штаны на подтяжках. Никогда не разговаривал натошак.

Измаил Вольтерберг работал у Мии финансистом и, судя по хмурому настрою, был чуть ли ни единственным из всего окружения кто не разделял всеобщей радости от её гениальности.

– Гос-по-жа Онгаку! – обратился он по фамилии к Мие, размахивая распечатанными отчётами в руке.

Она подняла усталый взгляд из-под съехавших на нос круглых очков и посмотрела на Измаила с усталым снисхождением.

– Взгляните на эти цифры! Они просто ужасают! – выпучив глаза и качая головой, высказал возмущения Измаил.

– Неужели это так срочно, и они не могут подождать? – спросила Мия осипшим голосом.

Мия любила комфорт и ненавидела, когда его кто-то нарушал. Она вытерлась салфеткой от пота, разнежилась под кондиционером и отпила воды.

– Я уже просто не мог в одиночку на них смотреть! Опомнитесь! Что вы творите?!

Мия не особо разделяла бурной тревоги финансиста, но, собравшись с остатком сил, попыталась принять заинтересованный вид и показать, что готова слушать со всей внимательностью. Напечатанные на бумаге таблицы и толщи цифр ей мало что говорили и, похоже, имели весомое значение только для Вольтерберга.

– Ваши финансовые дела просто ка-та-стро-фичны!

– Катастрофически хороши?! – переспросила Мия.

– Нет! Такими темпами мы разоримся! С вашим ошеломляющим творческим успехом мы умудрились не попасть в топ тридцать до тридцати самых многообещающих и талантливых молодых исполнителей!

– Меня не беспокоят все эти рейтинги и надуманные списки. Радость зрителей – вот настоящий показатель! – возразила Мия.

– Несомненно, вы звезда! Одна из ярчайших на небосводе, но такими темпами испортите себе репутацию! От нас откажутся все спонсоры! А кредиторы потребуют вернуть вложения. Все одновременно! Не забыли, кто вас раскручивал?! Если они поймут, что что-то идёт не так, то тотчас же захотят вернуть свои деньги, да ещё и с процентами! Чем вы, мисс конгениальность, будете их отдавать?!

– То есть, вы имеете ввиду, что мне нужно сочинить больше песен о волнующих молодёжь проблемах? – глядя в потолок, предположила Мия. – Например про любовь! – восторженно воскликнула она. – Хотя нет, это уже избито.

– Вы меня вообще слушаете?! – вскипел Вольтерберг и хлопнул бумагами о стол. – Я предлагаю сократить наши расходы. Они невероятно расточительны!

– Ага, невероятно замечательны! – взмахнула Мия в воздухе пальцем как дирижёрской палочкой.

– Нет! Перестанет тратить невероятные деньги на себя и на всяких мужчин по вызову! Такое впечатление, что вы собираете просто личную армию любовников! Вам тут не га-

рем! Занимайтесь тогда не шоу-бизнесом, а мужские бордели открывайте! Я уже не говорю про все ваши прихоти в одежде и непозволительную благотворительность!

– Подождите! Всё, я поняла! – перебила Мия и встрепенулась так, будто заметила, как среди одной из лампочек зажглась идея.

Измаил посмотрел на певицу со всей внимательностью. В глубине его серых глаз мелькнула слабая искра надежды на понимание.

– То есть вы хотите сказать, что мне нужно давать больше благотворительных концертов и привлекать ими новую аудиторию?! – улыбочиво предположила Мия.

– Ни в коем случае! Вы так будете выступать на улице!

– В смысле? Перестать давать открытые концерты? – переспросила Мия с наигранным непониманием.

– Нет, концерты, безусловно, нужны, но не бесплатные!

– Решено! Новый альбом! Займусь сразу после тура. Я даже знаю, чему его посвящу. Губительной силе жадности, – проговорила Мия, изящно закинула ногу на ногу и задумчиво подставила указательный палец к уголку рта.

– Госпожа Онгаку, ну, когда вы научитесь воспринимать меня всерьёз?! – отчаянно произнёс Измаил и безнадёжно шлёпнул ладонью по лбу. – Я ведь вам помочь хочу, а вы надо мной издеваетесь!

– Ну будет вам. Даже пошутить нельзя, – надула губки Мия.

– Не знаю, наступит ли когда-нибудь такой день, когда вы хоть раз ко мне прислушаетесь?! – поднял он руки вверх, будто умоляюще вопрошал небеса.

– Ну, пока все наши дела шли просто роскошно, так что вы напрасно волновались.

– Потому что я всё время своими непосильными стараниями спасал наше финансовое положение из самых безнадежных провалов, в которые, между прочим, загоняли нас именно вы, вашей бескорыстной сердобольностью и неуёмным сексуальным аппетитом! – проговорил Измаил и сердито пригрозил Мие пальцем.

– Вы слишком много на себя берёте!

– А вы меня не слушаете! Мало того ещё и основательно игнорируете мои предупреждения!

– Прошу прощения, господин Вольтерберг, если я где-то ошиблась! Знаете ли, песни сочинять непросто! Вдохновение тоже надо откуда-то брать! – недовольно ответила Мия. – Я, может, чего-то и не понимаю, но стараюсь слушать ваши советы всегда!

– Позвольте напомнить эти ваши всегда, уважаемая Мия-ка Онгаку, – упёр руки в бока Измаил и вновь взялся за отчёт.

Мия не стала ссориться. Недовольство, как правило, не задерживалось в ней надолго и уже через мгновение сменялось виной. Мия видела, как Измаил старался и не желала его лишний раз расстраивать. Она села удобней, поджав под

себя ноги, посмотрела на финансиста с игривым любопытством и кокетливо порхнула ресницами.

– Хватит строить свои пышные глазки! И милым личиком вы меня уже не разжалобите! Перестаньте! Мы с вами и без того достаточно покувыркались, так что жена ушла!

– Ну вы же знаете, я тут совершенно не причём! – сложила губки бантиком Мия и кокетливо порхнула ресницами. – Просто я слишком притягательная и обаятельная личность. Никто не в силах устоять перед моей привлекательностью!

– Даже чрезмерно. Ладно. Мы отвлеклись. Я всё понимаю, эти ваши безмерные покупки одежды и дорогущей косметики, ваша непозволительная прозрачность в уплате всех возможных и невозможных налогов, я уже смирился с вашими бесконечными благотворительными взносами. Меня чуть инфаркт не хватил после того, как вы объявили тур благотворительных концертов. Я понимаю, был бы это маркетинговый ход, но вы действительно переводите сборы в фонды бездомных и тяжело больных!

В возмущениях Измаил судорожно водил пальцем по бумаге, указывая то на одну, то на другую всё более крупную суммы.

– Но и это я пережил благодаря вашим врачам и, конечно же, безвозмездной материальной помощи. Да и психологическое лечение сыну вы оплатили, считайте нормальным стал, – с мягкостью в голосе проговорил он.

– Рада кланяться, – улыбнулась Мия и зажмурившись

кивнула.

– Давно, кстати я не слышал новостей ни от сына, ни от бывшей. Как они после всего случившегося теперь сводят концы с концами? Наверное, ещё хуже, чем мы.

Из-за частых гастролей Измаил с семьёй подолгу не виделся, а путешествовать вместе не хотел, к тому же это было вредно для здоровья сына. Со временем Измаил к ним чувствами охладел и попросту отвык. Он ни о чём, не жалел и регулярно отправлял сыну и супруге деньги на существование, но после развода прекратил.

– Позвоните и узнайте, – предложила Мия.

– Неважно! Справятся, теперь их жизнь не моё дело! Я своё дело выбрал и рушить его вам не позволю! Послушайте, зачем вам вздумалось теперь финансировать постройку онкологического крыла в городской больнице?! Да ещё и с удобствами пятизвездочного отеля?! Вы с ума сошли! Мы такое не потянем! Нам придётся брать кредиты! Кредиты на благотворительность! – взялся за голову Вольтерберг. – Да где это видано?! К тому же, это государственное учреждение, с ним проблем не оберёшься! Пусть сами на бюджетные деньги всё себе и строят, запрашивают средства от правительства, если им так нужно!

– Мне кажется, что пожертвования в коммерческих фондах растворяются, или тратятся нецеленаправленно, – неуверенно проговорила Мия.

– Вы поглядите-ка, ну надо же, ей кажется! – перекивлял

собеседницу Измаил.

– Я хотела бы свои следующие вложения контролировать лучше, – продолжила Мия. – Чтобы они действительно помогали тем, кто в них нуждается.

– Одумайтесь! Вы что?! В государственных учреждениях средства растворяются ещё быстрее! – воскликнул Вольтерберг и едва сильнее не посидел.

– Не везде и не всегда, – не согласилась Мия.

– Помните, мы же договаривались, что вы не вмешиваетесь в наши финансовые дела. Мы же решили, что каждый из нас пусть занимается своим делом. У вас хорошо получается петь, а у меня – считать, – проговорил Измаил.

– Я сама решу куда вкладывать мои деньги! – сплела руки на груди Мия.

– Так вкладывайте их в себя, а не расселяйте бездомных и напрасно лечите смертельно больных! Это бессмысленное и затратное дело!

– Мои песни всё оплатят! Надо будет, я сочиню ещё! Я не могу оставаться в стороне от того, о чём пою, иначе я об этом бы не пела! Так что ничего не знаю! Хочу больничное крыло где бы все могли лечиться! – решительно заявила Мия и скривила рожу, оттянув пальцем нижнее веко и высунув язык.

– Не капризничайте! Это вам не игра в доктора!

– Посмотрите, сколько людей покупают мои диски и приходят на концерты! Знаете, почему?! – Мия вздёрнула бровь.

Измаил смолк в ожидании объяснений.

– То, что мы делаем для себя – умирает вместе с нами навсегда, а то, что делаем для других – остаётся навсегда. Причём не для близких. Им – само собой, я имею ввиду помощь для остальных, незнакомых людей. Им тоже нужна забота в волнующих их проблемах. Я даю её через музыку, но хочу принимать большее участие. Мир, к сожалению, так устроен, что во многом деньги определяют силу выражения нашей вовлеченности. Многим нравится то, как я затрагиваю жизненные трудности в текстах песен, как их озвучиваю и как с музыкой преодолеваю. Я слушаю людские сердца и по мере возможностей даю им то, о чём они просят. Ни больше ни меньше.

– Госпожа Онгаку, как вы не поймёте, всем не поможешь! К чему я тут стою, если вы не желаете ко мне прислушиваться?! Иной раз я сомневаюсь, что вообще вам нужен!

– Ну что вы, господин Вольтерберг, – Мия встала, подошла к Измаилу и заботливо погладила его по груди. – Вы мне очень помогаете, и пускай по-своему, но я вас сильно ценю, раз доверяю.

Измаил опустил бумаги и успокоился.

– Может вы и правы, и последняя моя прихоть чересчур сильна, – согласилась с опасениями финансиста Мия. – Но идейку нового альбома вы мне, несомненно, подали шикарную. Спасибо! Я вам как всегда крайне признательна и благодарна! Буду вашей должницей!

– Да ещё какой! Не зря вы выбрали меня в помощники – гордо ответил Измаил. – Я вам не какая-то там бухгалтерша Свинина Ивановна, а между прочим всесторонне развитый специалист! Можете мне добавить за это в премию пару нулей.

– Может быть, а может я вам подарю нечто большее. Вот возьмите!

Мия играючи выдернула первую попавшуюся хризантему из пышного букета и

вручила Вольтербергу. Она встала на носочки, чтобы дотянуться до его лица, и сразила наповал, чмокнув в щёчку. Измаил охнул, покраснел и плюхнулся на стул. В цветке между лепестков лежала записка с адресом отеля и снятым номером на вечер.

вручила Вольтербергу. Она встала на носочки, чтобы дотянуться до его лица, и сразила наповал, чмокнув в щёчку. Измаил охнул, покраснел и плюхнулся на стул. В цветке между лепестков лежала записка с адресом отеля и снятым номером на вечер.

* * *

Облако в руках Мии погасло, завершив показ события.

– Ну как?! Видели сколько всего я полезного делала! – с надеждой воскликнула она. – Так что там у вас наверху надо точно кому-то подвинуться! – заявила Мия так будто

собиралась открывать ворота в рай с ноги.

– Ты, как и прежде нескромна. Не заблуждайся, а лучше другой стороной переверни.

Мия развернула облако в руках и увидела его тёмную часть. В ней проявилось судебное заседание бракоразводного процесса Измаила и жены, который состоялся по вине Мии. Журналисты, репортёры, адвокаты присутствовали в атмосфере скандала, но больше всех оказалась расстроена жена Вольтерберга и её двенадцатилетний сын. Мия помогла Измаилу выиграть дело, и оставить членов семьи не просто ни с чем, а даже в крупных долгах. Жена раздавалась воплям и гневным крикам в адрес Мии. Она излучала едкий полный ненависти взгляд смертельной злобы пронизывающей сердце. Взгляд обвиняющий во всём. Мия содрогнулась. Она даже не думала, что на неё можно так смотреть. Насколько она помнила даже самые заядлые завистники так на неё не глядели. Мия считала, что такого взора не заслуживала даже за лёгкую интрижку с Вольтербергом. В конце концов Мия не считала себя виноватой. Кто же виноват, что она такая красивая? Измаил сам на неё покусился и за сына он не переживал, говорил, что взрослый уже. Переживёт.

– Но разве хорошие поступки не уравнивают плохие?

– Вот ты и застыла в равновесии, но дальше тебе не вознестись, – ответил свет прерывистым мерцанием.

– Но почему?!

– Любой даже самый малый грех смертельно плох. Он может быть искуплен только возмездительной жертвой, и она даже за тебя, как и за всех людей была принесена распятием на кресте, но ты её не приняла. В неё не поверила.

Мия поняла, что её так отягощало, портя всю первозданную, изысканную чистоту. Свет раскрыл её грехи. С их грузом наверх ей не подняться. Даже споры с Измаилом и все его обиды внесли весомую лепту в её теперешнее плачевное положение. Она вспомнила, как опасалась быть использованной, боялась, что жена Измаила выпрашивает у неё деньги на собственные нужды через надуманные причины. Именно поэтому Мия финансиста и совратила, чтобы обезопасить себя и держать близко к себе важных людей. Наблюдая за собой со стороны, теперь Мия чувствовала вину и считала себя бессовестной искусительницей. Грязным источником похоти и разврата. Конечно такой как она не место на небесах и от всего этого Мия приходила в ужас.

- Чем ты ещё можешь оправдаться? – спросил у неё свет.
- Я не знаю, – беспомощно ответила Мия.
- Значит тебе одной свой груз и одолевать.
- Но я не могу, – опечаленно ответила Мия.
- Жаль, что поняла ты это только сейчас.
- Как же так?! Неужели я не достойна возвращения за все добрые дела, которые совершила?!
- Не делами прокладывается дорога в царство небесное, а верой.

– А что такое вера?

– Это то, что связывает нас с господом, – ответил голос с особой важностью.

– Я многих спасала от смертельных болезней, оплачивала лечение совершенно незнакомым людям! Щедро давала средства и работу малоимущим, спасала нищих от бедности! Дарила людям радость и теплоту! – продолжала настаивать на своём Мия.

– Ты давала много от себя для земного мира, но этого недостаточно для небесного, но стоило тебе хоть раз дать малое, но от Отца совершенного и этого хватило бы сполна, чтобы заполнить небесную пустоту, которая останется теперь навсегда зиять без тебя.

– А как же любовь?! Все любили меня!

– И поэтому убили? – произнёс голос с иронией.

Мия осталась этим фактом шокирована. Потрясена до глубины души. Она не могла поверить, что любовь в её понимании обернулась против неё и стала причиной гибели.

– Это не так! Разве не вы всем ведаете?! Вы этому случиться позволили!

– Тебя погубил твой грех.

– Как это?! – недоумевала Мия.

– Сама посмотри.

К ней подлетело ещё одно тёмное облако и явило момент выстрелов из фанатской толпы после концерта.

Среди людей показался знакомый силуэт. Прямо к Мие протиснулась упитанная женщина с взъершенными кудрявыми волосами и мечущимися глазами. Это была жена Измаила. Мия узнала её по взгляду, такому же мстительному и свирепому каким она смотрела на неё в суде.

– Тебя все любят и боготворят, и я любила мужа и сына, а ты отняла их у меня! У нас была семья! Был сын! Теперь его нет! И семьи нет! Ты всё разрушила! Сдохни поганая тварь! – прокричал женщина.

Мия вспомнила как не особо ощутила боль от выстрелов. Лишь слегка щипало в ранах. Больше мучило накопление в животе и груди тяжёлой влаги. Будто вязкая смола собиралась внутри, топила и давила в себе органы, заливала лёгкие, не позволяя дышать. Тело переставало слушаться от одолевающей слабости.

Весь персонал мигом всполошился и окружил Мию со всех сторон. Подоспел начальник охраны и принялся останавливать кровотечение собственным пиджаком. Рядом его помощник стал что-то гавкать в рацию севшим от ужаса голосом. Вскоре на общие крики прибежали остальные участницы группы. Они пробились сквозь плотное кольцо сочувствующих и, увидев раненную подругу, застыли в парализующем страхе. Примчался даже Вальтерберг. Увидев Мию, он запищал, словно ужаленный, наклонился и принял-

ся водить пальцами по окровавленному полу, будто собирал рассыпавшиеся монеты из кошелька.

– Мия! Мия! Миечка! – захлёбываясь от слёз упала к ней на колени Лиццу и крепко взяла за руку.

Дзюнка с Шотохой стояли в немом оцепенении и наблюдали, как Мия истекала кровью. Они пытались что-то сказать, но, будто потеряв голос, беспомощно хлопали ртами как выброшенные на берег рыбы.

– Не смей оставлять меня! – приказала Лиццу. – Если ты вдруг вздумаешь, то клянусь, я верну тебя хоть с края неба! Откопаю из самой глубокой могилы, заставлю встать и ходить!

– Спасите меня, я не хочу умирать, – судорожно проговорила Мия.

– Держись, пожалуйста держись, – изо всех сил, сжимая ей руку, умоляла Лиццу.

– Холодно, – тихо ответила Мия.

Из её глаз обильно текли слезы, а изо рта кровь.

– Да позовите же здешних врачей! Не ждите скорую! – наконец совладав с собой, грозно заорала Шотоха на сотрудников концертного зала.

Она ещё никогда прежде не чувствовала себя настолько бессильной. Стояла, будто окаменелая, наблюдала, как бледнела Мия и ничего сделать не могла.

– Они уже бегут! Медпункт с другой стороны зала! – отчаянно прохрипел голос организатора в динамике ушной гар-

нитуры.

Сидя рядом с Мией, Лиццу рыдала навзрыд. Она чувствовала, как слабеет её рука, разжимая пальцы.

– Пожалуйста, только не отпускай.

– Не могу, – давясь кровью, еле произнесла Мия.

– Если ты оставишь нас, то клянусь, я вернусь за тобой, где бы ты ни была! За волосы притащу обратно и устрою взбучку похлеще чем отчитывала нас Шотоха! – стиснув зубы злилась Лиццу.

Мия усмехнулась, застыв с улыбкой на посиневших губах. Лиццу истерически завизжала. Прибежали врачи, и с силой её оттащив, принялись оказывать неотложную помощь.

* * *

Только увидев события со стороны, Мия поняла весь трагизм происходящего. Ужас случившегося её переполнял. Только сейчас она в воплях обезумевшей от горя женщины расслышала слова не только о её семье, но и о сыне. Страшно было спрашивать у света, но Мия отважилась.

– А что случилось с сыном Измаила?

– Он дома на небесах, – ответил прерывистым мерцанием свет.

– Н-н-н-о к-к-к-а-к?! Почему?! – Мия не верила, что из-за неё произошла столь ужасная трагедия.

– Отца утрата для всех губительна. Ты сама это испытала.

Мия разозлилась и отшвырнула от себя облако полное плохих воспоминаний.

– Всё равно это ваша вина! Вы все подстроили! Вы ещё и за мной следили!

– Нами ты сотворена, наблюдать за тобой – наше право. Ты сама виновата в том, что произошло. У тебя для счастья было всё, что только можно пожелать, но ты склоняла других к разврату. Всё брала и брала. Жила в цветущем саду, но не могла насытиться жухлой листвой. Ты многое имела, но за всё, что ты имела, ты была и ответственна.

– Я так получала вдохновение! – оправдалась Мия. – Наверное по вашему замыслу я такой и стала!

– По изволению господа тебе был дан талант музыкального творения во всём своём совершенстве. Отведено время и возможности его проявить во всей полноте. Дал тебе господь и родительское лоно, и заботу, и любовь, уберёт от лишений, горя и болезней, и если всего этого тебе было мало, то Он дал бы тебе ещё столько же, и даже больше, обратись ты к Нему за помощью. Ты могла просто попросить, но вместо этого ты пренебрегла любовью господа и решила искать утешение сама.

– Да, возможно, я была не особо разборчива в связях, ну и что! Я всю жизнь так жила! Почему на меня напала именно жена Измаила?! – спросила Мия чувствуя себя разоблачённой.

– Сколь ты совершала другим добра, столь других по-

хотью и оскверняла. Ты имела большое влияние на людей, и оно всё росло. Твои грехи укоренялись в душе всё глубже, прорастали изнутри, усиливая друг друга. Ты совратилась их властью и стала ими поражать не только саму себя, но и окружающих людей, разрушать их жизни. Страсти над тобой обладали, Мия, принялись управлять волей. Ты намеренно соблазнила Измаила, не только ради выгоды, но и ради забавы, потому что так хотела и могла. Господу не понравилось то, как ты поступила.

– Почему тогда он сразу не покарал?!

– Отец небесный не карает, а воспитывает. Его терпение велико. Он ждал, когда ты раскаешься, но ты предпочла ещё сильнее от Него отдалиться и в конце концов столкнулась с неизбежными последствиями.

– Я могла всё исправить, искупить вину! – упрекнула Мия.

– Твоя вина смертью спасителя уже искуплена, тебе лишь нужно было её принять. В неё поверить. У тебя было достаточно для этого времени. Жаль напрасно было потрачено оно.

– Вы меня слишком рано позвали! Я могла ещё много сделать добра! Я успела бы раскаяться!

– Мы приглашаем к себе ни рано и не поздно, только когда приходит нужное время. Мы его определяем.

– Определяете неправильно! – разозлилась Мия.

– Ты многих спасала от временных проблем, но добрые дела не имеют смысла, если не исходят от источника сози-

дания всего сущего. Ты не верила, а значит по-настоящему никого спасти не могла. Плоть временна и конечна. Суть души – вернуться на небеса, а не исцелить тело или утолить его голод. По-настоящему добрые дела не направлены на утоление греховных желаний плоти, но нацелены на исцеление души.

– Как, по-вашему, я должна была это знать? Когда я пала на землю, то обо всём здесь напрочь забыла! Это бесчестно! Там внизу о значимости истинны никто по-настоящему не смог бы мне рассказать! Я ничего бы не смогла узнать, даже если бы сильно захотела! Я не виновата!

– Это было и не нужно. Ты всего лишь должна была поверить и остаться нам верна, – ответил голос издали, несмотря на то, что силуэт, в котором Мия определила его источник, находился рядом.

– А что значит верить?!

– Поддерживать связь с создателем и выражать Его волю в действиях.

– Но я выражала!

– Ты действовала лишь для самой себя и утоляла собственные прихоти. Твоё величие было для тебя всем. Прежде всего ты самой себе поклонялась, а всевышнего даже не искала.

– И теперь вы сами от меня отрекаетесь?! Это, по-вашему, справедливо?! Отправлять на землю и потом бросать?! – возмутилась Мия.

– Ты не была брошена. Отец небесный не покидает никого, а тем, кто его ищет всячески даёт о себе знать, но ты его присутствие решила не замечать.

– Всё равно я вам духовно родная и намного ближе кровной! – обиженно воскликнула Мия. – Верните меня обратно, я достойна! – требовала она.

– Ты забыла не только о нас, но и о том, что всё даётся творцом по милости. На земле тебе она была дана во всей полноте. Талант, богатство и слава, счастье, родительская забота. Ты не в чём не нуждалась, не знала мучительных недугов, получала всё, что хотела, и даже не задумывалась о том, что всё это даровано тебе свыше. Отец твой небесный заботливо оберегал тебя, но даже в редкие моменты испытаний о Нём ты не вспоминала и даже не интересовалась, хотя и задумывалась. Ты знала, где и у кого спросить и узнать, но не хотела.

– Я-я-я не хотела, – растерянno подтвердила Мия.

Она признавала свой грех и в этот раз не могла проглотить перед ним страх.

– Что бы было, если бы твои слушатели вдруг позабыли об авторе песен, что он им когда-то спел? Не говоря уже о всех тех эмоциях, что они во время прослушивания испытывали и, встретившись с тобой вновь, тебя бы даже не узнали, пока ты сама бы о себе им не напомнила? – монотонно спросил голос.

– Я была бы огорчена, но этого никогда бы не случилось, –

обиженно проговорила Мия.

– Ты сама с творцом так поступила. Здесь твоя душа сотворена, и об этом ты забыла. Так же, как и не помнила, кем это сделано. Сама ты к истине не пришла и пути к ней даже не искала. Отца небесного ты вновь не обрела, а вспомнила, только когда к Нему неизбежно попала. Сама ты выбор не сделала.

С каждым словом Мия испытывала невыносимую боль обвинения. Без материальной плоти здесь она ощущалась неизмеримо сильнее. Глядя на столь родное ей переливающееся сияние, Мия чувствовала себя так будто всегда по ту сторону света в вечности жила. Её выдернули на время испытания в земной мир, для проверки верности, но она его безнадёжно провалила и теперь не могла вернуться. Была не в силах попасть в родной дом, двери которого для неё оказались намертво закрыты.

– Я-я-я, всё равно я бы простила...

– И всевышний Отец простил тебя, через искупительную жертву, но ты Его прощение не приняла. Верность небесного Отца неизменна. Он никогда не отвернётся от тебя, но ты вольна получать то, что выберешь сама.

Мия подумала о том, что не слишком обходительно с ней поступила судьба. Отношение с родственниками у неё явно не сложились ни с земными, ни с небесными. Теперь она понимала, отчего вся её жизнь проходила в годах необъяснимой тоски. На самом деле Мия переживала муки томле-

ния по временно утраченной родной обители, недостающей всем на земле. Как горестно, что Мия о ней в момент рождения позабыла, а потом даже не стремилась обрести. Заполняла оставленную в сердце полость короткими впечатлениями которое не давали насыщения, а уходя, всё сильнее разъедали душу пустотой. Мия стремилась испить эту чашу до дна, но не понимала, что она ничем земным не может наполниться. Мия стремилась унять боль нехватки исконно родного, подменяя её всё новыми и новыми ощущениями. Она постоянно искала что-то новое, не осознавая, что при это всё сильнее теряла себя. Мия временно обманывалась приятными чувствами, яркими эмоциями от сияния таланта, даров радости другим. Забывалась в объятьях мужских ласк. Среди бесчисленных поклонников Мия искала любовь, но не понимала, что чувства, которые находила – скоротечны, пусты и кроме кратковременного утоления нужды плоти ничего толком не давали. Мия погружалась в земные дела, не помнила о собственных истоках и, сама того не желая, всё больше от них отдалялась. Вопреки воле сильнее внутренне отчуждалась.

– О нас ты не думала, наше присутствие не замечала, волю всевышнего не исполняла. Без нас ты жила, Мия. Быть тебе такой и впредь. Мы любили тебя, а ты предала нас, покусившись мимолётным страстями земного мира и не достойна возвращения. Ты – заблудшая дочь, отвергнувшая Отца, – произнёс голос.

– Да, я такая! – закричала Мия со всей горечью. – Простите меня, пожалуйста, простите!

– Ты лишилась той первозданной чистоты, с которой была создана. Позволила очернить свою изначальную безупречность. Грустна твоя история Мия, печальна и трагична.

– Пожалуйста позвольте мне исправиться! Я же сделала столько хорошего, тем другим, кто тоже попал вместе со мной на землю в испытание! – оправдывалась Мия. – Я никому никогда не желала зла и делала только добрые дела! – разревелась она, обличённая совестью.

– Для кого-то добрые, для кого-то злые. Относительны дела земные, лишь духовные всеобщие совершенны, – важно ответил голос.

– И кому же мои добрые дела могли стать плохими? – с упрёком спросила Мия.

– Тем же, кому могли стать и хорошими.

– Что это значит?

– Даже та помощь, которую ты бескорыстно совершала одним, вызывала чёрную зависть и злость у других, порой перерастающую в ненависть, подталкивающую к разрушительным действиям.

– Каким образом?!

Едва Мия успела спросить, как к ней подплыла тучка, в которой она увидела счастливую семью ребенка, попавшего под её благотворительную программу финансирования тяжело больных. Мия даже вспомнила как его в больнице

однажды навещала и обрадовалась, что мальчик выздоровел. С другой стороны облака она увидела другую семью, убитую горем и печалью от потери девочки лежавшей в соседней палате. До неё донорская помощь так и не дошла. Родители умершего ребёнка обезумели от горя, завести и злобы к тем, чей мальчик выжил и в следующем облаке Мия увидела их горящий дом и доносившиеся изнутри детские крики о помощи.

– Но-но, я даже их не знала! Я просто хотела помочь! – Мия растерялась, она не могла и представить, что от приносимой ей безграничной пользы могло подобное происходить. – Я не виновата! Люди сами так поступили! Я за их действия не отвечала!

– Но в ответе за свои, ставшие причиной, – ответил голос.

– Посмотрите, наверняка, то количество людей, которым я помогла, исцелит боль нанесённой небесному создателю обиды.

– Здесь не место для торга и сравнений кто и чем лучше, а кто хуже. Мы не на земле. Здешняя среда свободна от торговых отношений потому что все перед создателем равны. Она прибывает в милости и благодати, а потому всеобща совершенна, и мы не можем тебя в неё пустить, если ты потеряла связь с её источником. Чтобы вновь её обрести тебе давалась вся жизнь. Теперь уже слишком поздно.

– Зачем вы вообще меня отправили на землю как в жестокую ссылку?! Любящие так не поступают! – разозли-

лась Мия.

– Нами ничего не делается по принуждению. Ты забыла, что, будучи сотворённой в вечности душой сама вызвалась для испытания проверки верности перед небесным Отцом даже когда очередь, твоя ещё не пришла, жаль, что ты его не прошла!

– Нет, не может быть, – не верила сама себя Мия, вспоминая фрагменты жизни в небесной обители. – Зачем вы вообще придумали такое ужасное испытание?!

– Проверка верности душ временным переселением их на землю в людские тела идёт с момента первородного греха. Так задумано создателем, чтобы впредь предательства Его творений не повторились. Это является частью единого плана по конечному совершенному сотворению бытия. Только воспитанием можно убедиться в верности после его прохождения. В чём, увы, мы и остались разочарованы. По-другому не понять, достойна ли ты в вечности прибывать вместе с Отцом твоим небесным.

– Для чего всё это?! Творец же обо всём ведает, всё наперёд знает! – не понимала Мия.

– Ты сама свободна выбирать решения, только тебе их последствия и принимать. За тебя лично творец не решит быть тебе с Ним или нет. Это твой свободный выбор и только, но сделать его ты должна не на небесах.

– Вы оставили меня и никак о себе даже не напоминали! – с трудом приняв ответ, упрекнула Мия.

– Мы каждый день незримо заявляли о себе, поддерживали тебя, находились рядом, но ты нас не замечала, не желала слушать. Мы даже помогали тебе бороться с боязнью сцены.

Мию задело упоминание её коренного страха и искренне тронуло содействие в борьбе с ним.

К Мие вновь подлетело облачко и напомнило, как на концерте её била дрожь.

* * *

Мия стояла на сцене и пытаясь отвлечься, освежала в памяти партитуру, ослабляла гитарный ремень и отпивала воды, смачивая перед выступлением горло. Мия старалась унять возникший страх перед сценой. Он – её неприятный давнишний спутник, с которым она так и не справилась, но всеми силами старалась научиться мириться. Перед выступление как раз наступал очередной момент, когда им вновь предстояло найти согласие.

Мия расправила платье и подошла к стойке микрофона, проверив его постукиванием пальца. Готовые принять звук, колонки откликнулись глухими ударами. Свет от прожекторных огней накалил железную стойку так, что до неё можно касаться только покрытыми руками. Именно по таким случаям Мия на выступления всегда надевала перчатки с открытыми пальцами и от их стиля уже подбирала остальной комплект сценического наряда. В этот раз она выбрала чёр-

ные в бирюзовую полоску, длинные до самих локтей и подходящие по цветовой гамме к чулкам. Зрительское ожидание и группа на разогреве зажгли атмосферу как никогда, но скованная страхом Мия ощущала себя сжатой, будто закрытой внутри тесного футляра и чувствовала, что не готова к выступлению.

Занавес медленно поднялся, открыв жаждущих зрителей. Увидев долгожданную исполнительницу, публика взорвалась радостными криками. Раздалась воплями, настолько громкими, что чуть Мию не оглушила даже через облако. Участники группы едва не сдуло со сцены от столь бурного приветствия. Множество фотоаппаратных вспышек и свет софитов бросились музыкантам в глаза мерцающей россыпью огней. Даже несмотря на то, что Мие уже не привыкать, у неё снова закружилась голова. От столь ослепительного блеска перехватило дыхание. Если бы не тёмные очки в тонкой оправе с хорошо затенёнными круглыми стёклами, то она наверняка бы ничего не увидела и обязательно на сцене на что-нибудь наткнулась, нелепо упала и раскорячилась у всех на виду как вытасченная на берег медуза. Мия этого всё время смертельно боялась, а тогда на концерте её встречал полный зал разгоряченной публики, усиливая страх. Несколько тысяч человек уставились так, будто раздевали её глазами, снимали нижнее бельё, оставляли голой и заглядывали прямоком в обнажённую душу. Мия стояла на сцене, словно нагая, и от этого испытывала ле-

дениящий ужас. Операторы наводили на неё объективы кинокамер, словно прицеливали ружья увеличивая давление от зрительской аудитории. Мия чувствовала себя мишенью среди бесчисленных взоров и устремлённых на неё любопытных глаз. Она не могла даже пошевелиться не то, что выступить. Казалось, что каждое её действие будет осуждено и везде всеми станет обсуждаться за глаза. Справиться со столь травмирующими ощущениями Мия сама не могла, но какая-то неведомая, будто сходящая сверху сила вела её вперед к действиям. Даровала волю, позволяла преодолевать страх. Тогда на сцене Мия подняла глаза и увидела сверху как-то по-особенному горящий прожектор. Он был не основной, вспомогательный, но сиял выразительно ярко. В отличие от остальных он будто направлялся прямо на Мию. Светил именно ей с крыши, словно тёплым лучом солнца спускался с самих небес, подмигивал, менял яркость и внушал уверенность. Странно, но где бы Мия не выступала она каждый раз замечала его присутствие, будто этот прожекторный свет следовал за ней и в тяжёлые моменты сверкал особенно ясно. Он поддерживал, давал спокойствие и решимость.

* * *

Отпустив от себя облачко Мия поняла, что силуэт не лгал об оказанной ей сверху помощи. Каждый раз в преодолении страха перед сценой она ощущала загадочную, нисходящую

свыше поддержку, позволяющую выступать. Сама бы себя Мия без сторонней помощи никогда бы не преодолела.

– На самом деле мы твоими руками действовали в тех поступках для других, которые ты бескорыстно совершала. Так проявлялась твоя истинная природа. Всевышний служил прибывающим в испытании людям через тебя, чтобы о Нём подумали, вспомнили, обратились к своей настоящей сути. Ты Ему это делать неосознанно давала, но к осознанию так и не пришла. Слишком много было дано тебе милости. Ты осталась ей ослеплена.

Мия уже ничего не просила и просить не могла, не от того, что не хотела, а понимала, что не достойна. Земной жизнью она была оболгана, соглашалась с представленным в тучках поэтапным раскрытием истины и не смела возражать. Собственными грехами Мия была обличена.

– Милосердие отца безгранично и тебе будет дарован ещё один шанс, – произнёс голос, проникнувшись к Мие сочувствием, так будто ответил на её мысли.

– Ур-р-р-а! – воскликнула она и запищала от восторга.

– Клянусь, я не подведу! Я исполню всё, что вы скажете, чего бы мне это не стоило! – пообещала она, с грустью понимая всю скупую ценность дарованной ей на земле человеческой жизни и всего того, чего она могла взамен предложить.

– Ты вернёшься обратно на день и если найдёшь хотя бы одного человека, кому твои дела вернули бы веру, то мы сочтём тебя достойной возвращения.

– Но как?! У меня не получится! – забеспокоилась Мия.

– Делай, то что можешь, и не будешь покинута, – разда-
лось ей обещание в ответ.

– Нет-нет-нет! Постой-постой! – донёсся грубый хрипу-
чий голос из оттенённой глубины.

Он походил на глухой скрипучий скрежет известняка
о твёрдую породу. Говор исходил от находившейся вдали гу-
стой чёрной тучи, не пропускающей ни луча света. Мия уди-
вилась вдруг здесь её обнаружить. Ранее столь тёмного куче-
вого облака она не замечала. Оно появилась будто из неот-
куда и, словно прячась, невдалеке украдкой подслушало раз-
говор.

– Неужели ты позволишь им тебя судить?! – обратился
к Мии голос из тучи, пытаясь смягчить тон.

Он старался звучать натужно-приятно, но от того ещё
больше раздражал.

– Ты привлекала миллионы почитателей! Все были гото-
вы целовать тебе ноги! Музыкой ты сопровождала людей
на небеса! Неужели ты теперь будешь терпеть и унижаться,
принимая от кого-то условия?! Ты себя посрамляешь! Брось,
это всё хлам! Мой хозяин даст тебе всё то, что ты по-насто-
ящему хочешь в куда большей полноте, какую ты получала
на земле! Ты этого заслуживаешь!

Мия задумалась и на мгновение замерла в выборе.

– Если откажешься от всего этого светлого брэнчания, то
будешь жить в ещё большем богатстве, известности и роско-

ши, и ты получишь всё, что желаешь потому что мир отдан моему владыке.

Из тучи появилась густая расплывчатая тень и медленно поползла в направлении Мии. Выглядела хищно и зловеще, угрожала схватить и уволочь за собой в непроницаемую тьму. Тень совершила рывок столь быстро и умело, что спустя мгновение уже клубилась дымом вокруг Мии, стремясь за собой её скрыть. Складывалось впечатление, что тень с томительным голодом её тут ждала. Ожидала позволения, когда Мию, наконец, дадут забрать.

В кучной дымке тёмного облака перед Мией повторились образы всех её поверхностных желаний. Она увидела себя всеобще почитаемой в лучах сияющей мировой славы, затем вдруг оказалась в гареме среди крепких, соблазнительных мужчин, жаждущих поделиться с ней страстью. Голоса со всех сторон нашептывали ей всё новые и новые обещания и предложения эти звучало заманчиво. Мия чувствовала сладость искушения как никогда, но мелькающий сквозь вихрь тёмной пелены небесный свет пробивался к ней тонким лучиком и пробуждал родственную связь воспоминаний лучшей жизни на его стороне. Куда более совершенной чем всё, что может ещё где-либо случиться. Мия поняла, что вокруг неё возник один сплошной обман. Здесь он весь перед ней всплыл особенно ясно. Всё это пустота и пена. Рябь, искажающая отражение в кристально чистой воде. Мия приняла решение покинуть туман, но не сумела.

– Уходи от меня! – закричала она, поняв, что тень её не отпускала.

– От чего же ты противишься тем, кому всю жизнь так преданно служила?! Тебе стоит с нами пойти. Есть место, где тебе будут рады.

– Нет! Прочь!

Мию пленила вязкая топь ужаса. Вихрившаяся вокруг липкая мгла не позволяла спастись. Тьма ото всюду подступала, её не обойти. Казалось, она обволакивала всё вокруг. Налипала вязкими сгустками сжиженного страха.

– Отпусти её! – приказал голос.

– В нашей игре есть правила, заявленные вами, и даже мы, увы, их соблюдаем, но и вы не вправе их менять. Всё, что было, есть и будет, зиждется на незыблемости вашего слова. Его нарушение ставит под сомнение все основы мироздания, – произнесла тень.

Она выглядела хищно и зловеще, давая понять, что в намереньях не уступит.

– Время Мии вышло! Теперь она принадлежит моему хозяину! Её жизнь завершена!

– Только небесному Отцу ведомы все времена и сроки! – строго возразил голос.

От громкой фразы возник ветер и сдул с Мии плотно сомкнувшийся кокон чёрного дыма.

– Вы не можете у нас её отнять! Это наш самый лакомый кусочек! Мы все взращивали её, как могли! Вы сами нам да-

вали на это волю! Агнец сделала свой выбор! Вы не можете его поменять! – твёрдо проговорил голос, так, словно вновь напоминал свету о необратимых последствиях любых его решений.

Мия отстранилась в растерянности и повертела головой в знак полного несогласия. Она взглянула в сторону света дрожащим взглядом, ожидая, что за неё по-прежнему вступятся. Мия не знала, как, просто надеялась и верила.

– Хочешь сказать, что Ваши позволения ничего не значат? – лукаво поинтересовалась тень, постепенно принимая очертания высокого стройного человека в тёмном фраке с ярко красным галстуком и манжетами.

– Её жизнь на земле продлится ещё на сутки, после которых ей самой решать, с кем прибывать в вечности, – ответил голос и указал в сторону Мии лучом света.

Повсюду задрожали облака, раздался гром. Затряслись тучи, всполохнули молнии. Мия закричала, почувствовав, как у неё будто почва уходила из-под ног. В конце концов она не удержалась на небесах и с долгим пронзительным воплем упала вниз.

– Что ж раз так, то и нам дайте совершить вмешательство, для того чтобы подтвердить все данные клятвы.

Белый силуэт ответил молчаливым позволением, и свет всюду погас.

Заповедь 2. Порванная струна

Мия поднялась с кровати, находясь в окружении ошеломлённых врачей и медсестёр. Кто-то взвизгнул, кто-то заорал и упал в обморок. Операционная вся была в крови и переливалась голубоватыми цветами от галогеновых ламп. Моргнул свет, затрубили фанфары, откуда не возьмись заиграла музыка. Появился целый костюмированный оркестр из барабанщиков и трубачей. Они вышли из всех помещений, заполнили комнату, коридор. На удивление врачей, всюду разносились восторженные крики, взрывались хлопушки, осыпая всё медицинское оборудование цветным конфетти. Выбегали жонглёры и клоуны, так, словно в больницу внезапно ворвалась цирковая труппа. Артисты в маскарадных костюмах занимали даже соседние палаты. Они создавали непроходимую давку и суетолоку, едва не вытесняли медперсонал. Тут и так ощущалось довольно тесно и с трудом представлялось, где здесь можно не то чтобы давать представление, а просто разместиться, но артисты оттесняли остальных присутствующих, нагло отвоёвывая себе пространство для выступления.

– Это был р-о-о-о-о-з-ы-г-р-ы-ы-ы-ш! – воскликнул подбежавший человек в чёрном фраке, красном галстуке, того же цвета манжетами и высоким цилиндре на голове.

В руках он держал длинную трость, её закруглённая вер-

хушка имела форму стального черепа и использовалась в качестве микрофона.

– Д-р-р-р-у-з-ь-я! Добр-р-р-р-о пожаловать на новое телешоу, где самое невероятное происходит среди ничего не подозревающих людей и становится самым удивительным и поразительным! В прямом эфире! Здесь и сейчас! Всё только настоящее и только для вас!

На зов человека в чёрном набежали неизвестно откуда взявшиеся операторы. Они задели и перевернули врачебный столик, со звонким грохотом повалив на пол и рассыпав медицинские инструменты.

– Наша пострадавшая, она же и главная героиня – Мияка Онгаку-у-у-у! – указал на неё незнакомец, а затем перевёл взгляд на медработников. – Остальные не менее важные участники-и-и-и! – прокричал ведущий отдающим эхом голосом, будто звучащим откуда-то из переносных динамиков.

Он говорил, кого снимать, и поочерёдно представлял объективам операторских камер персонал больницы. Музыка играла не переставая. Она звучала так громко, что мешала людям обмениваться мнениями. Судя по отпечатавшимся на их лицах обескураженным выражениям, впечатления являлись весьма неоднозначными. Находясь в центре представления и ещё не отойдя от пережитого шока, Мия сама подумала, что возможно, стала жертвой случившейся жестокой шутки. В нос бил горький запах фенола и прочих ан-

тисептиков, насыщенно растворенных в воздухе. Захотелось кашлять, но смешанная вонь пороха от хлопушек подавляла спазмы и все прочие ароматы. Мия провела руками вдоль платья, расправила смявшийся сзади бант так, что он стал походить на крылья бабочки, и придирчиво себя осмотрела. Она очнулась здоровой. На теле не осталось ни крови, ни шрамов, ни следов от пулевых ранений, даже одежда выглядела чистой и не продырявленной. Сердце Мии забилося чаще, позволив подумать о пережитом, как о страшном сне, непривычно правдоподобном кошмаре, почудившимся реальным и от того особенно жутком. Вздумалось даже судиться с телевизионной компанией, устраивающей столь бесцеремонные розыгрыши.

Ведущий снял шляпу, подошёл к Мие и достал изнутри пышный букет чёрных хризантем. Он отвесил низкий поклон под всеобщий галдёж и вручил цветы в громе аплодисментов. Хлопали не только участники шоу, но и медработники. Даже застигнутая врасплох охрана стала невольно поддерживать артистов. Мия не знала, что сказать. Глядя на всех вокруг, она застыла в изумлении вместе с врачами, медсёстрами и помощниками музыкального коллектива, сгрудившимися у операционной.

Мия обратила внимание на подарок. Приятно удивилась цветам и даже обрадовалась.

– У тебя время до вечера дорогуша, – обратился человек в чёрном фраке, мгновенно сорвав улыбку с её губ. – Потом

ты пойдёшь со мной и тот на верху уже не сможет нам помешать.

Его леденящий душу голос и неприятный тон, сдерживающий злость, вернули Мие чувство реальности и заставили понять, что всё случившееся было не сном и не представлением. Напротив, всё то, что происходило сейчас, не более чем фальшивая игра, ширма для изумлённой толпы, чтобы ввести всех в заблуждение.

Мия поняла, кто стоял за всем этим маскарадом и подумала букет не принимать.

– Чего же ты ждёшь? Вот они – твои символы счастья, благополучия и значимости, которые ты всё это время так страстно лелеяла и в себе взращивала. Возьми же их, – настойчиво протягивал цветы ведущий.

Они возникли перед Мией: интересные, нежные, пахучие. Воплотившиеся в жизнь, и она готова их взять, но не на радость правоты ведущего, а в знак верности, покорности и перерождения. Этим жестом воли Мия намеревалась показать таинственному незнакомцу, кто из их непримиримой схватки выйдет победителем.

Мие не раз приходилось в жизни бороться не только за собственные интересы, но и отстаивать чужие. Она яркая известная личность, бескорыстно помогала другим и порой эту помощь было тяжело совершать. Мия непременно отводит себе вечную жизнь в вихре жестокого противостояния. За отведённый день она точно раздобудет себе билет в беско-

нечность. С её возможностями это казалось несложно, а после того как Мия побывала на небе и получила благословение, она чувствовала себя всемогущей, во всём уверенной и защищённой. Она точно сумеет всего добиться! Теперь она безупречная, улучшенная версия прежней себя! Теперь Мию не остановят никакие страхи, никакие сомнения ей ни-почем, все преграды для неё преодолимы. С силой господ в сердце она пройдет все препятствия, что возникнут на пути. Этим Мия была воодушевлена. Она ни за что не сдастся. Будет хвататься за любые обрывки памяти истинной духовной сути, которая теперь в ней пробуждена. Они помогут исполнить волю всевышнего и смогут привести к вере других людей.

Мия сердито посмотрела на ведущего и приняла букет, выдавив на публику непривычно фальшивую улыбку. Человек во фраке подмигнул и, надев шляпу, скрылся в торжествующей толпе выступавших.

Расталкивая столпившихся у входа людей, в операционную ворвались остальные участницы группы. Лиццу, Дзюнка и Шотоха. Они сразу сомкнули Мию в объятьях, таких крепких, что едва позволяющих дышать.

– Мия! Мия! Ты жива! – кричали подруги и тискали её так, что чуть ли не душили.

– Воздуху, кх-кх! Дайте воздуху! – пыталась вырваться она.

– Вот это потрясение! Мы так волновались! – в один голос

проговорили Дзюнка и Лищу.

– От тебя лекарствами горько несёт. Что за парфюм? – поинтересовалась Шотоха.

– Не обнюхивайте меня пожалуйста, – смутилась Мия.

Со стороны входа в операционную послышались щелчки фотокамер. Перед глазами ослепительным мерцанием пронеслась череда ярких вспышек.

– А ну выдворить всех вон! – рявкнула на охрану Шотоха.

После нескольких громких возмущений и грубых толчков служба безопасности выгнала всех посторонних, оставив музыкантов одних.

– Что ты опять удумала?! В могилу нас решила свести?! – воскликнула Лищу и вмазала Мие пощёчину. – Как ты могла так нас напугать?!

– Мы места себе не находили! С ума сходили! – негодовала Дзюнка.

– Ты задницей соображала, когда нас так разыгрывала?! – возмутилась Шотоха.

– Я сама не знала, – неуверенно оправдалась Мия. – Простите девочки, простите.

– Больше никогда так не делай!

– Обещаю не буду, – с грустью произнесла она и взглянула на подруг.

Они стояли перед ней всё те же милые, родные, доверчивые. У Мии случилось озарение и глядя на их измученные лица, она словно почувствовала наполнявшие их нутро ду-

ши, некогда жившие вместе с ней на небесах. Раньше Мия все их близко знала и вспоминала чуть ли не по небесным именам.

– Лицу! Дзюнка! Шотоха! – дрожащим голосом воскликнула Мия, теперь уже сама подруг из всех сил обняла и горько заплакала. – Я так скучала по вам! По всем вам, но вы, как и я пока здесь ничего не помните! Совсем не помните!

– Что? О чём ты? – переспросили Шотоха с Дзюнкой и недоумённо переглянулись.

Мия подошла к Лицу и принялась шкрябать ногтями у неё на груди, как кошка коготками, будто стараясь что-то изнутри достать.

– Лицу! Где ты Лицу?! – спрашивала она. – Тебя почти не вижу!

Мия скребла так усердно, что едва не разрывала ей одежду, словно старалась откопать душу.

– Эй, прекрати! – взяв за ладони остановила её подруга. – Что ты делаешь?! Я здесь!

– С тобой всё в порядке? – поинтересовалась Дзюнка.

Мия опомнилась, остановилась. Она приблизилась, внимательнее заглянула в глаза Лицу и улыбнулась.

– Да, ты там. Я тебя вижу, – произнесла Мия.

– Ты меня пугаешь.

– Ведёшь себя даже страннее чем обычно, – проговорила Шотоха.

– И тебя вижу, и тебя! – подходила она то к одной, то к другой подруге, всматриваясь в заслезившиеся глубины их глаз.

Мия заглядывала в их суть, её искала, но находила лишь смутные отпечатки былого сияния. Тусклые отблески небесного света, пробивающиеся через мглу. Но Мия не сожалела, а радовалась, что они все ещё там, такие же, как и она. В подругах ещё не затлел свет надежды. Они могут найти путь к истине. Стоит лишь немного подтолкнуть.

– Да-да, мы здесь, мы рядом, – проговорила Лиццу успокаивая.

– Я узнала тебя, – трепетно произнесла Мия, взяв её за руку. – Неудивительно, что мы здесь познакомились и встретились, ведь раньше мы так были близки, – произнесла она сквозь боль воспоминаний о жизни на небесах.

– Ты так говоришь, будто мы дружили до того, как познакомились, – усмехнулась Лиццу.

– Именно так! Я позже обязательно тебе всё расскажу! Всем вам! Вы не представляете, где я побывала! – огляделась Мия на подруг.

– Ну это мы и без тебя знаем, – Шотоха подняла с пола шприц и щёлкнула по пустому тюбику морфина. – Ну у тебя и приход.

– Розыгрыш розыгрышем, а лекарства, выходит, настоящие, – озабоченно заметила Дзюнка.

– Нет, вы не понимаете! – встревожилась Мия.

– Тебе надо как следует проспаться. Ночной концерт, теперь ещё это. Кому угодно снесёт башню, даже тем, у кого крыша и так не на месте, – обеспокоилась Шотоха.

– Поезжай в номер, приди в себя, а мы со всем разберёмся, – настойчиво проговорила Лиццу. – Я помогу с репортёрами, дам нужные интервью. Как твоя лучшая подруга поговорю со всеми от твоего лица, – добавила она с явным тоном самовосхваления.

Мия хотела ответить, но ей не давали и слова вставить.

– Я прослежу за сборкой аппаратуры и отвезу всё в студию звукозаписи, – поддержала идею помощи Дзюнка.

– А я с Измаилом займусь отчётами и подготовкой к вечеринке. Так что как следует отдохни. К вечеру в клуб должна прийти без опозданий! Сыграем гостям наш избранный репертуар, как и договаривались, – Шотоха ободрительно хлопнула Мию по плечу.

– Но я не... – хотела возразить она, но Лиццу перебила.

– Да-а-а-в-а-й! Потом всё расскажешь! – настойчиво проговорила она и подошла к выходу.

Подруги не оставляли выбора и с их убеждений Мия поняла, что здесь и сейчас действительно не лучшее место обо всём рассказывать. Она и сама не всё толком уложила в голову. Нужно время. Но во что бы то ни стало они должны обо всём узнать. Как самые близкие ей люди обязаны понять. В конце концов Мия не представляла, как сможет жить на небе без каждой из них в вечности.

– Да, пожалуй, и правда. Столько всего произошло, – согласилась Мия, примяла пушистую юбку, сползла с кровати и позволила подругам обо всём позаботиться. – Нужно как следует от всего отдохнуть. В этом уж точно можете на меня положиться!

– Это уже звучит странно, – ответила Шотоха с недоверием.

– Не стоит беспокоиться, – обнадѣжила Мия.

Уходя, она окинула операционную прощальным взглядом. На медицинском столике остался лежать букет чёрных хризантем и под взглядом Мии обронил на пол лепесток.

* * *

У входа в больницу столпились репортёры и чуть ли не весь пришедший с группой на концерт организаторский состав вместе с охраной, обслуживающим персоналом и даже особенно преданными поклонниками. Долго Лиццу всех успокаивала и даже пришлось официальное заявление прес-се дать с обещанием, что сама Мия обязательно позже проведёт развёрнутое интервью. Оно, конечно, вряд ли состоится, но хотя бы так можно было отбиться от всех достающих журналистов.

Привычно расположившись на заднем сидении любимого серебристого ягуара, Мия осталась наедине с мыслями. Нутро наполнилось болезненными переживаниями. Здесь, на зем-

ле, она проживёт последний день и то посвятит его не себе, как привыкла, а проведёт в суетливости для других. От того каждое мгновение ценилось особенно заметнее. Даже несмотря на понимание того, что вечная жизнь несомненно того стоила, а теперь она знала про неё многое, Мие всё равно покидать столь привычный мир было невыносимо грустно. Пускай и за недолгое проведённое в нём время, но он стал для неё близким и почти родным. Мия выплескивала плачем всю печаль и горечь грядущего неизбежного расставания со всем здешним, земным. Она обливалась слезами от острой боли в сердце из-за того, что больше не увидит этот мир в том его несправедливом, несовершенном виде, но и потому неповторимо прекрасном и по-своему великолепном, в котором она всегда его перед собой видела.

– Госпожа Онгаку, с вами всё в порядке? – слыша всхлипы, озаботился водитель.

– Да-да, не беспокойся Бенедикт, – ответила Мия.

Дыхание в груди сбивалось от мучительной тяжести невозполнимых утрат и схватывающей сердце вязкой тоски, но и эти чувства потери теперь отзывались пониманием необходимости испытаний, те, что могут повториться, вздумай она ещё когда-либо в вечности создателя предать.

Мия смотрела в окно и видела людей, занятых в городской суете. Они жили повседневными заботами, строили планы на будущее и даже не подозревали о том, что их ждёт на небесах. Для многих то, что узнала Мия станет откровением и бу-

дет ли Бог так милостив к другим, как к ней, она не знала. Сейчас только Мия знала, что на самом деле произошло. Мало того, теперь она знала истину, но не представляла, как другим её донести. Мия ощущала себя одинокой, но не брошенной потому как мысли её впервые обращались за помощью к всевышнему. Она подумала, что за столь малое время если и стоит кому рассказывать о создателе, то только тем, кто скорее всего поверит. Только тем, кто сердцу особенно дорог. Несмотря на всю популярность кандидатов у Мии на эту роль насчитывалось немного. Участницами группы количество и ограничивалось. От мыслей о том, что все её подруги не попадут на небеса Мию объял панический ужас. Кто им расскажет истину если не она. За весь остаток жизни они больше могут о Боге ничего и не узнать.

Мия стала переживать. Её душа наполнялась трепетом за горячо любимых подруг, которые могут кануть в небытие. Если она сумеет вернуться в вечность, то оттуда вся земная жизнь обернётся для неё одним мгновением, но если близкие останутся неверующими, то никто из них на небеса не попадёт. Там на верху Мия никого, кто ей особенно дорог с собой рядом не увидит. В вечности они не будут вместе, останутся навсегда разлучены. Мия не могла смириться с этой мыслью. Нутро всё залихорадило. Она будто заново вспомнила о том, зачем ей дали второй шанс, и решила во что бы то ни стало использовать его не напрасно и хоть кого-нибудь из знакомых спасти. Ей было страшно, она была

не уверенна в себе. Многие конфессии столетиями тем и занимались, что наставляли других на путь истинный и далеко не всегда успешно. Многим людям и жизни не хватало на то, чтобы мир и покой в душе обрести, не то что за один день, но Мия должна попытаться. Ей дали обещание, что её не покинут. Она этого всем сердцем хотела и нестерпимо ждала. Чувствовала невероятную ответственность перед знаниями, которыми обладала, и хотела ими поделиться. Одна Мия её не выдержит. Ей было слишком тяжело. Она хотела ношу разделить и использовать то, что узнала, чтобы донести полученные знания до людей, не зря же она ими обладала. Мия не желала быть виновна за то, что утаивает их, ни перед всевышним, ни перед людьми, ни перед самой собой.

Мия определённо решила начать с подруг. У них сплочённая, дружная группа, объединённая общими опытом и пройденными испытаниями. Их дружба скреплена совместно пережитым, взаимна, бескорыстна и открыта. Пронизана искренним доверием друг к другу. Между ними нет секретов. Мия помогала подругам, как никому другому. Она делала для них всё. Они её близко знали и понимали, как никто другой.

Мия уняла плач и вытерла слёзы. Она успокоилась и, набравшись несокрушимой смелости в намерениях, позволила себе двигаться вперёд.

– Я Мияка Онгаку, я сяду в машину, встречусь с Дзюнкой, поделюсь с ней верой и попаду на небеса, – проговорила сама

себе она для пушей уверенности и обрадовалась тому, что начало сказанного уже сделала.

Мия думала, что главное ей не волноваться, быть уверенной в господе и в самой себе.

— Бенедикт, мы не едем в апартаменты, — как можно более решительно произнесла она.

— Куда вам будет угодно?

— Скорее поворачивай в студию! Надо поговорить с Дзюнкой!

Раздался скрип тормозов. Наклон автомобиля от резкого поворота всколыхнул Мию, резкий разгон вдавил её в боковую спинку заднего сидения, и ягуар помчал по новому маршруту.

* * *

Вскоре Мия оказалась в студии звукозаписи и мигом направилась в комнату музыкальных инструментов, где обычно располагались все гитары и барабаны. Если Дзюнка их забрала с концертного зала, то непременно должна находиться там. К сожалению, кроме обслуживающего персонала Мия никого в комнате не нашла, а все инструменты аккуратно ютились у входа в углу. Их ещё не успели расставить по местам, видимо привезли недавно. Гитара Дзюнки тоже была на месте и торчала с грифа порванными струнами. Дзюнка ещё не успела их сменить, а значит должна находиться где-

то поблизости. Мия тут же забежала в соседнее помещение и застала подругу в контрольной комнате прослушивания за сиденьем у микшерного пульта.

– Дзюнка-Дзюнка! Вот ты где! – запыхавшись, прокричала Мия.

– А ты что здесь делаешь? Мы же договорились, что поедешь отдыхать!

– Да будет тебе договорились, – ответила она отдышавшись. – Пойдём, разговор есть! Это и будет мне отдых!

– Что ещё за разговор? – заинтересовалась Дзюнка.

Она подумала, что Мия наверняка переживала после розыгрыша. Дзюнке захотелось её поддержать, да и она честно себе признавалась, что в груди взыграло любопытство. Наверное, Мия хотела сыграть с ней новый дуэт или обсудить, как переиграть вступление к их последней песне на концерте, которое она в последнее время критиковала.

Мия с опаской оглядела присутствующих вокруг звукоинженеров. После концерта все занимались делом: проверяли настройки микшерного пульта, приводили в порядок оборудование, и ей не хотелось никому мешать. Мия чувствовала себя неуютно в их присутствии, и она позвала Дзюнку в помещение прослушивания. В нём хорошо обеспечивалось звукопоглощение за счёт изоляционных композитных панелей из поролона, крепящихся на стенах и потолке. Они располагались вплотную друг к другу таким образом, что всех находившихся внутри без включённого активного оборудо-

вания записи никто не мог снаружи слышать и вмешиваться в разговор.

– К чему такая скрытность? – удивилась Дзюнка. – Снова какой-то приколы придумала?

– Не совсем, – ответила Мия с жадным предвкушением. – Дзюнка, ты же не раз говорила, что я на тебя всегда могу положиться? – вспоминала она её последние слова перед концертом.

– Да, разумеется.

– Тогда ответь мне, пожалуйста, на один вопрос, только честно, – начала Мия, так будто подготавливала подругу к чему-то важному.

Дзюнка смотрела на неё со всей внимательностью, задержав дыхание и широко распахнув глаза. Ожидала, что она скажет что-то особенно значимое.

– А если бы я и вправду умерла, то как думаешь, попала бы на небо?

– Ну ты и спросила! – выдохнула Дзюнка с облегчением. – Я-то думала что-то серьёзное случилось.

– Это важно. Так всё же? – настойчиво повторила Мия.

– Не хочу об этом даже думать! А твои мысли, в какую сторону тянет? Ты что перегрелась?

Дзюнка подошла к Мие и попробовала ей лоб.

– Ну, серьёзно, как считаешь? – переспросила она.

– Наверное, да, – неуверенно ответила Дзюнка и отвела в сторону взгляд.

– А почему?

– Ты самый добрый, хороший и отзывчивый человек, которого я знаю, – разоткровенничалась Дзюнка. – С тобой каждый день праздник. Ты сделала столько полезного и мне и другим! Если ты не достойна небес, то, пожалуй, наверное, никому там не место.

– Спасибо! Если бы ты такой озорной и радостной не была, то и я бы собой не стала! – едва не расчувствовалась Мия и бросилась к подруге в объятия благодарности.

– Да ну, ты мне льстишь! – радостно приняла её Дзюнка.

– А насчёт себя думала? – нырнув в аромат её волос, спросила Мия и поняла, что пахли они капустой. – Мне же, если, что там наверху будет одиноко без тебя.

– Не знаю, я как-то не задумывалась обо всём таком, – бросила обниматься Дзюнка.

– А как же так, сама не думала, а мне желаешь? – недоумевала Мия.

– Я считаю, что каждый себе сам выдумывает загробное счастье или несчастье, в которое потом верит, – поразмыслив, ответила Дзюнка.

– Хм, странно. А для чего?

– Не знаю. Кому-то может так проще избавляться от ответственности и страхов перед смертью или в чём-то оправдывать себя, а может просто нравится следовать за недостижимым идеалом. Всех причин не перечесть, – предположила она. – Я думаю каждый сам получает то, во что верит.

Мия удивилась услышать от подруги фразу столь полную глубокомыслия. Всегда находившаяся в стороне от всевозможных моральных и этических разговоров, Дзюнка, как оказалось, имела прочную философию душевных убеждений, защищающих её от внешних воздействий. Мия внимательно слушала, не ожидая с ней столкнуться.

– Тот, кто верит в перерождение – переродиться, скандинав попадёт в Вальхаллу, а грек – к одному из богов на Олимпе, – продолжила рассуждать Дзюнка. – Так, что каждый сам выбирает себе загробную жизнь, какую хочет. Вариантов много.

– Но разве могут все они быть правдивы и существовать одновременно? – спросила Мия. – Да и тесновато им там на небесах всем будет, не находишь?

Дзюнка в ответ улыбнулась и пожала плечами.

– К тому же, что же выходит, если мы верим не одинаково, то попадём с тобой в разные посмертные места? Я так не хочу! Нужно попасть в один, истинный наш дом!

– Когда погрём тогда и посмотрим, – весело ответила Дзюнка, видя, как Мию тронула тень лёгкой грусти.

– А что если тогда будет поздно?

– Да, ну это всё фольклорно. Не по-настоящему, – отмахнулась Дзюнка.

– Не веришь в жизнь после смерти? – подошла к ней Мия, наклонилась, сжала перед собой кулаки и присела так, будто собиралась прыгнуть.

– Если честно, то не очень.

– А как думаешь, что тогда с тобой будет?

– Не знаю, червяки мозги сожрут, если буду задавать слишком сложными вопросами. Голова распухнет, станет умной и аппетитной, – шутливо ответила Дзюнка и взлохматила Мие чёлку.

– А я знаю, как попасть со мной в одно место, настоящее и единственное, и хотела поделиться этим с тобой! – уверенно сказала Мия, приглаживая волосы.

– Вот уж нет! Не сегодня! – категорично заявила Дзюнка. – Опять тебе в башку всякие бредни лезут! Я не настроена сейчас их слушать!

Дзюнка хотела уйти, но Мия её остановила, взяв за руку, и смирила обиженным взглядом.

– Пожалуйста, поговори со мной хотя бы чуть-чуть.

– Ну ладно, видимо тебе это нужно, – неохотно согласилась Дзюнка, так, будто собиралась принимать тяжкие муки.

Мия и представить не могла, что прежде всегда любящую слушать, мягкую и сговорчивую Дзюнку придётся в чём-то насильно уговаривать. Удивительно, но она демонстрировала резко выраженный протест и недовольство в, казалось бы, обыкновенной беседе. Оставалось совершенно неясным, что в простом разговоре могло так её напрячь, чтобы его избегать. Как будто Мия на неё нападала или собиралась что-то отнять.

– Слушай, а почему ты вообще обо всём этом спрашива-

ешь? – поинтересовалась Дзюнка.

– Для меня это важно.

– Не думала, что ты одна из «этих», – сказала Дзюнка, демонстративно изображая движениями пальцев кавычки. – Ты головой, часом, не ударилась? – спросила она с явной подозрительностью.

Дзюнка подошла к Мие и перебрала волосы у неё на макушке в поисках шишки.

– Нет, – отклонилась Мия.

Свет в помещении смягчился так, что стулья и стойки микрофона стали отбрасывать размытые тени. Окон в комнате прослушивания не было, а стены оббивались плотным материалом звукоизоляции. Тишина успокаивала и создавала атмосферу вялой непринуждённости. Мия боялась дальше спрашивать Дзюнку. С каждым следующим вопросом она открывала в ней для себя всё новые непривычные грани характера. Среди прежних они выступали грубыми углами, в обтёсанном мраморе многолетних отношений. Вклинивались остроконечными зубцами, останавливающими отлаженный механизм их дружбы. Мия чувствовала опасность подобного разговора, даже неприязнь.

– Ну и всё же, что думаешь насчёт существования Бога? – нашла в себе смелость спросить Мия.

– Это всё не для меня. Я скорее больше агностик.

– А как это?

– Ну я считаю, что может быть есть какая-то более высшая

сила, а может быть и нет. Но даже если есть, то она непознаваем, – объяснила Дзюнка.

– Интересно, – проговорила Мия. – И что же это за сила?

– Называй как хочешь: вселенная, космический разум...

– Например Бог.

– Пускай будет бог.

– Раз это сила более высшая, то наверняка она способна сделать шаг людям навстречу для своего познания, – предположила Мия, – и сделать это таким способом, который она сочтет нужным, который будет понятен.

– Может быть, но зачем ей это?

– Сама спроси у Бога, когда установишь с ним связь.

– А с чего ты взяла что он этого хочет? – усомнилась Дзюнка.

– Он этого не просто хочет и может это сделать, а Бог уже это сделал, послав своего сына на землю, чтобы люди смогли лучшего Его узнать. Теперь осталось только нам сделать встречный шаг.

– Ты уж извини, но вера в какого-то там бородатого деда, который сидит как Зевс на небе и с туч на всех таращится, как-то не для меня.

– Не ограничивай себя кучей навязанных стереотипов! Ну кто сказал, что Он такой?! – усмехнусь Мия.

– А кто сказал, что нет? Его же никто не видел.

– Но вокруг повсеместно проявляются свидетельства Его творения.

– Я думаю, что сама создаю свою жизнь, – сказала Дзюнка.

– Очень многие так думают, – с грустью произнесла Мия. – И от того только вокруг всем хуже становится потому что каждый думает только о себе. Это эгоистично.

– Хочешь сказать, я эгоистка?! – нахмурилась Дзюнка.

– Нет-нет! Что-ты! – замахала руками Мия. – Просто хотела узнать твоё мнение о вере.

– Да ну, религии возникают и пропадают. Вон античная сколько была и превратилась в миф. Так и теперешние исчезнут.

– Затухают, ложные. Остаётся лишь истинная.

– А с чего ты взяла, что и она настоящая?

– Она единственная из всех когда-либо существовавших, основанная на жертвенной любви! – восторженно произнесла Мия. – Ни любовь ли самое светлое созидательное чувство, которое мы все ищем?

С этим оказалось трудно спорить и всё звучало весьма заманчиво, но Дзюнка хотела быть больше осведомлена.

– Она объясняет всё, – добавила Мия, стараясь развеять задумчивость подруги.

– Ну и что, новые секты образуются постоянно и действуют тоже, как будто от любви.

– Я думаю, Бог позволяет обновлять ячейки веры потому что любое людское сообщество рано или поздно подвергается воздействию греха, и чем оно древнее, тем влияние его сильнее.

– Прочие религии тоже много всего объясняли. И любви в них было не мало. Вон боги олимпа всех подряд оплодотворяли.

– Да это не любовь, а так, плотские утехы. Уж поверь, я точно знаю, – улыбнулась Мия, почувствовав самоиронию.

– Но люди тогда в это верили потому что в те времена эти религии отражали какую-то правду о мире или явлениях природы.

– Вряд ли, больше обманывали и вводили в заблуждение. В других религиях часто несовершенство человека приводится как что-то постыдное, негодное и при помощи самодисциплины, ограничений, и воспитания люди обретают духовный рост и поднимаются к Богу. Но в христианстве мы не поднимаемся к Богу, нам Его совершенства не достичь, Бог, Сам спускается к нам. Каждый раз, когда мы Его об этом просим, в счастье в благословении и в помощи к действиям, – объяснила Мия.

– И что это значит?

– Господь принимает нас такими, какие есть и не брезгует нами, Он полон искренней, жертвенной любви к людям. Все самоназвание божества в других верованиях едва ли снисходили до общения с людьми, а истинный Бог не просто воплотился в человека и жил среди нас, но и собственную жизнь отдал как испарительную жертву ради нашего с тобой спасения.

– Какой же это бог если он сходит до уровня людей?

– Милосердный.

– Ну, например, а что конкретно объясняется в твоей религии?! – требовательно спросила Дзюнка и сплела перед собой руки.

– То, что всё вокруг создано Богом.

– Да ну?! Нет доказательств! Зевс король грома – нет доказательств! Артемида – тоже! Где среди них твой Бог?

– С Ним так не бывает, – повертела головой Мия. – Он Бог не грома и не охоты, Он Бог всего и вся. Впусти Его в свою жизнь. Он сам покажет, что существует! Сам себя проявит так, как поймешь только ты. Я не смогу тебе сказать. Пирог станет вкусным только если ты ему позволишь. Отбрось всё, просто прими. Что ты теряешь? Да ничего, а приобретешь всё.

– Знаешь, мне всё равно кажется, что это идёт от человеческих желаний. Люди любят верить во что-то иное, потустороннее, только потому что этого хотят, – возразила Дзюнка. – Я так не хочу и решаю сама распоряжаться своей жизнью, а не доверять её кому-то другому.

– Ты над ней не властна. Тебе она дана свыше.

– Да?! И кем же?! Матерью-алкоголичкой, сдавший меня в первый попавшийся приют?! – возмутилась Дзюнка. – Хорошо хоть в бордель не продавшей за банку пива!

– Не вини её. Она тебя любила, пускай и не понимала этого, – опечаленно ответила Мия.

Она старалась затрагивать особенно болезненную тему подру-

ги осторожно, чтобы лишним словом не задеть и не причинить боль, но, похоже, получалось не очень-то и аккуратно.

– Она пропила меня как вещь! – возразила Дзюнка. – Тебе этого не понять! Тебе иметь родителей посчастливилось, а у меня их не то, что не было раньше, так сейчас после популярности вообще каждый второй желает ими стать! Хоть в очередь ставь! Каждую неделю новые самозванцы объявляются! Даже не знаю, что хуже! Лучше б уж вообще никого в родственниках не иметь!

– Не говори так! Мне жаль, что так выходит. Я тебя понимаю, ты же знаешь у меня с родственниками тоже не всё складно, считай у меня их тоже нет, – сказала Мия сорвавшимся голосом и погладила Дзюнку вдоль руки.

Мия поняла, что сказала, явно не подумав, и подругу обидела. Она старалась поддержать её и как могла посочувствовала.

– Ах, тебе жаль, хотя ладно, забудем, не стоит об этом вспоминать, – ответила Дзюнка и отвернулась.

– Я тоже, как и ты, долго не знала любви, – робко произнесла Мия. – Но затем я её обрела!

– Уж ты-то?! – Дзюнка удивлённо вскинула брови.

– Любовь Отца моего небесного! Когда я её приняла, всем сердцем ощутила, только тогда поняла, как много без неё тереяла.

– Это ты из-за ссоры с родителями себе воображаемого друга теперь придумала? Или пережила клиническую

смерть? – усмехнулась Дзюнка.

– Это нельзя сравнивать. Ни одна любовь земная не сравнится с любовью вечною. Именно её я всю жизнь так тщательно искала, потому что она истинна и совершенна. Ни что её не заменит, не затмит: ни привычная родительская забота, ни обожание поклонников, ни близость мужчин и ухажёров. Это высшее чувство над всеми, ниспослано нам с небес и, только открыв господу душу, мы сможем его принять и им исцелиться. Излечить в сердце все ноющие раны, утолить все нужды, все чаяния. Эта любовь воистину всесильная и всецело обогащающая!

– Любовь от невидимого существа, ну-ну, и в чём же она заключается? – перебила вопросом Дзюнка.

– В том, что господь сам пришёл в этот мир. Явил своего единственного сына и умер за нас. Он принёс свою вечную жертву за все грехи, за твои и за мои, а затем воскрес! Бог тем самым показал, что можно преодолеть смерть, вознестись над грехами и обрести вечную жизнь в Его совершенном царстве!

– Как глупо! Это было давно, люди с тех пор много ещё как нагрешили. Так что не считается! – возразила Дзюнка.

– Ещё как считается! Господь существует вне времени и за рамками нашего мира. Для него тысяча лет как один день, а один день как тысяча лет. Умерев на кресте, Он купил все наши грехи в прошлом, настоящем и будущем. Те, какие мы совершили, те, что совершаем, и те, которые нам

ещё предстоит совершить. Весь наш мир для Него, открытая картина. Холст, полный красок событий, и Он видит его во всей полноте.

– Но тогда получается, что его смерть вообще была напрасной. Он же знал, что воскреснет и умирая ничего не терял.

– Ценность каждого, даже самого незначительного действия Бога несравнима и бесценна, не говоря уже о Его жертве! – с возмущением возразила Мия. – К тому же Он принял смерть на кресте через ужасные страдания. Никто кроме Него не смог бы их вынести.

– Что это вообще за грехи такие? Кто их придумал? – любопытствовала Дзюнка.

– Грехи – это людские поступки не угодные господу.

– Почему это люди должны жить по его правилам?

– Потому что мы живём в мире, который Он сотворил.

– Ну допустим, но неужели и впрямь была нужна такая жертва? Не так уж и много люди нагрешили, чтобы прям для искупления производить божественное вмешательство.

– На усмотрение господина – нагрешили и безмерно много.

– Да и к тому же как можно за конечную жизнь, да ещё и неполную одной лишь жертвой все сразу грехи искупить? Это неправдоподобно!

– Только бесконечно сильное может бесчисленное уместить в конечном промежутке.

– Хочется спросить, о чем ты, но здравый смысл меня

останавливает. Не исключено что это к лучшему, – ответила Дзюнка.

Мия изумилась сама себе от внезапно подобранных в разговоре слов. Прежде она так мудро не говорила и нашла это странным, но приятно удивительным. Мия старалась как можно убедительнее донести до Дзюнки всю правду, что знала и не понимала причин несогласия. Ей казалось, что между ней и Дзюнкой если и есть границы доверия, то чрезвычайно прочные, но сейчас они явно истончались. В беседе с подругой она будто лбом упиралась в стену, которую не пробить. Мия вообще не понимала, почему Дзюнку нужно уговаривать и, растеряннo сталкиваясь с её сопротивлением, не знала, что делать. Никогда прежде ей в чём-то особенно убеждать подругу не приходилось. В нынешнем положении она чувствовала себя неловко и непривычно. Мия не понимала, как себя вести. В голове путались слова, лихорадочно скакали мысли. Она боялась, что не справится, но стоило появиться страху, как его тут же подавляла возникшая в сознании ясность и позволяла держать ответ.

– Господь принёс свою жертву ради тебя и меня, неужели мы останемся Ему за это неблагодарны?

– Ну, раз так, вот и отлично. Рада за него. Раз мои грехи искуплены, то мне нечего беспокоиться, – ответила Дзюнка.

– Так-то оно так, если ты в это по-настоящему веришь.

– А что такое вера?!

– Вера – это путь. Идти по нему – значит иметь связь

с творцом и проявлять Его волю в действиях.

– Ты послушай себя, говоришь, как чокнутая фанатичка! Как можно ощутить любовь от того, кого даже не видишь?!

– Я вижу господа через свидетельства Его воли, которые происходят каждый день в моей жизни и иногда они даже более реальны, чем люди, с которыми я общаюсь как с тобой, – объяснила Мия.

– Ты шутишь, что ли?! Что за чушь ты городишь?! – удивлялась Дзюнка.

– Это лишь особенность восприятия. Как со зрением. Днем мы видим все в цвете, ночью блекло и серо, а Бога через проявление Его воли и благодати. Господь повсюду, Он везде, в каждом явлении природы, в любой вещи, даже в твоём сне. Он создал всё вокруг и наполнил собой мир.

– Люди наполняют мир своим творчеством, а не твой Бог!

– Господь действует через людей.

– Их руками грабит и убивает?!

– Это делают в людях грехи, а всё доброе, что в людях есть сотворено Богом.

– Как тогда понять, что делает Бог, а что человек? Что по-твоему никто не может сам действовать по-доброму от чистого сердца?

– В каждом человеке есть душа божья, так что думаю, что может, но если сосредоточится на чем-то одном конкретно, но так чтобы во всех сферах жизни одновременно творить добро – то нет. Я знаю о чём говорю, сама же пребыва-

ла. Так может только Бог. Он общается с тобой так, как можешь услышать только ты, только вот как раз именно ты Его и не слышишь, – ответила Мия.

– Да с чего ты взяла?! – напала на неё вопросами Дзюнка.

– Ну посмотри, как сложен мир и в тоже время прост, ярок и прекрасен. Не кажется ли тебе что он не мог так выйти случайно, и кто-то его умышленно таким создал?

– Его таким и сделали люди, – равнодушно ответила Дзюнка.

– А до людей? Он тоже был красив, зверёк к зверьку, деревце к деревцу, травинка к травинке, – улыбочиво произнесла Мия и зажмурилась так будто представляла сказанные слова. – Как по-твоему он таким появился?

– Ну не знаю, просто возник. Учёные до сих пор над этим голову ломают, ну и пусть ломают. Что мне до этого?

– Мир не мог взяться из неоткуда и такой порядок в нём не мог появиться случайно.

– Смотря сколько для этого нужно времени, – не согласилась Дзюнка.

– Да сколько бы ни было! – Мия обвела комнату прослушивания ищущим взглядом, так словно хотела найти доступный для объяснения пример. – Как твоя гитара! – воскликнула она, указав пальцем на стоявший рядом музыкальный инструмент.

Мия нашла странным, что она тут одиноко подпирала угол и не находилась вместе с остальными. Раньше она её во-

обще тут не замечала, так, словно гитару сюда кто-то специально занёс, и пока они разговаривали, незаметно поставил.

– Мелодии, которые ты на ней играешь, кажутся простыми и гармоничными, но исполнены они тобой и звучат такими, какими есть только когда ты собственными руками собираешь ноты, задаёшь им задуманную последовательность. Разве не так? Из случайного брэнчания ничего не выйдет сколько ты его не создавай, на то оно и случайное.

– Да брось! – усмехнулась Дзюнка. – Ты разве не знаешь? Я только так музыку и сочиняю. Сажусь пальцами струны перебирать. Могу часами так делать, а когда появляется что-то годное уже записываю или запоминаю.

Она подошла к музыкальному инструменту и внимательно на него посмотрела, словно гадала, он ли это. Дзюнка узнала свою гитару по винтажному рифу, но удивилась её здесь увидеть. Она готова биться об заклад, что её лично в кладовую сама относил. Дзюнка взяла её на руки и убаюкала как ребёнка.

– Моя девочка, надеюсь ты в порядке и пока сюда несли никто тебя не обидел, – заботливо проговорила Дзюнка погладила гитаре лады.

На них так и остались висеть порванные на концерте струны. Дзюнка перевела взгляд на Мию и строго на неё посмотрела.

– Ты ничего с ней не делала?! Аккуратно обращалась?! Моя гитара – для меня всё! Только она меня как следует по-

нимает и только на ней я могу сочинять музыку!

– Жаль это слышать, – опечалилась Мия.

– Только на ней всё звучит как мне нужно!

– Ну вот, видишь, всё равно ты создаёшь нужный порядок нот для того, чтобы получилась музыка.

– Почему? Мелодичность может быть частью бездумности так же, как и отрывок из случайного набора рифм может сойтись в песню. Просто у меня нет времени долго перебирать, и я прилагаю усилия, чтобы это ускорить. А если вот прям много-много раз так сидеть и лопатиться, так что и посчитать время нельзя, то что-то обязательно целиком гармоничное и выйдет, – сказала Дзюнка, часто сжимая и растопыривая пальцы.

Мию аж в жар бросило от такого отпора. Она даже осталась не уверена Дзюнка ли сейчас с ней говорила.

– Но у мира тоже не было несчётное количество раз на то, чтобы появиться. Время ограничено, – находчиво ответила Мия. – Музыкант перебирает ноты, надеясь услышать самый короткий звук, являющийся частью песни...

– И перебирает он их случайно, – вставила Дзюнка.

– Порядок возникает из беспорядка, только если ум приложить. Порядок – это смысл! Музыка вообще должна особым образом организовываться, чтобы как следует звучать. Она специально складывается во времени, выражается исполнителем, трепетно вынашивается, возвращается, как младенец при рождении. Значит она осмысленна! Сотворе-

на композитором, как и мир – творцом! – важно произнесла Мия так, будто давала неоспоримое академическое определение.

– Оставь эти профессорские лекции, мы не в консерватории, – уловила её нравоучительный тон Дзюнка. – Ты, как и я, сочиняешь лирику по вдохновению, поэтому она всегда у тебя вкусненько звучит.

– Ты сама знаешь, что творчество – это не только вдохновение и талант, это ещё и упорная работа ночи напролёт.

– Знаю я твой ночной труд в поисках вдохновения, – произнесла Дзюнка с сарказмом.

– Да, он пагубен и гадок! Жаль, что слишком поздно я оказалась в этом обличена, – с сожалением ответила Мия. – А теперь я беспокоюсь о тебе.

– И я беспокоюсь, боюсь, что ты потеряла рассудок. А как же смешение стилей? – возразила вопросом Дзюнка. – Когда их играют, то вообще в ушах стоит полный хаос. Ничего разобрать невозможно, но всё же это музыка, и она кому-то нравится.

– Людям нравятся не просто наборы звуков и слов, им важна целиком мелодия, её смысл, влагаемый творцом, – продолжала Мия. – Только так она способна вызвать эмоциональный отклик. Правильная, ритмичная, чем лучшие и грамотнее она сделана, тем чище поёт душа, сливаясь с мелодией воедино. В таком хаосе скрывается намеренный порядок, потому что его цель конкретна. Тебе ли не знать? Также

происходит и с верой. Она вспыхивает и угасает и может завянуть как цветок.

– Кстати, я забрала со сцены твои хризантемы. Они вон там, – указала Дзюнка в сторону студии за стеклом.

– Спасибо, но мне они уже не пригодятся, – огорчённо ответила Мия.

Она посмотрела на стоявший рядом с микшерным пультом чёрный букет, почти такой же какой ей подарили в больнице, только на этот раз куцый и опавший. В студии оставалось всё меньше народа. Среди всех присутствующих Мия обратила внимание на загадочного человека в чёрном, стоявшего у колонок в тени. Он показался ей знакомым, но печаль за несговорчивость подруги отвлекла от подозрений. Мию расстраивало то, что Дзюнка плохо слушала и не воспринимала сказанное всерьёз. Даже возникло неприятное дежавю. Мия внезапно почувствовала себя на месте Измаила и поняла, как ему было нелегко сталкиваться с её равнодушием к финансовым проблемам. Таким поведением Мия невольно причиняла ему боль. Поняв это, она лишний раз убедилась в истинной правоте небесного света, когда он говорил о том, что добро всем людям не совершить и для всех оно относительно.

– Мне вообще порой кажется, что всё должно быть беспорядочно, а все наши трудности идут от попыток людей что-то изучить, объяснить, тем самым насильно упорядочить случайности этого мира и присутствующий вокруг хаос, –

осматривая гитару, рассуждала Дзюнка. – Большинство проблем мы получаем от этого высокомерного вмешательства. Все провалы в жизненных планах, войны и болезни являются последствиями этих неудач. Например, сочинение мелодии к песне. Как сложна вся работа: от подбора нот, ритма, до взятия нужных аккордов. Сколько в ней трудностей и ошибок. А всё от чего? Потому что мы пытаемся упорядочить звук, придать ему нужную форму. И так во всём.

– Всю свою жизнь мы пытаемся всё упорядочить, всё время подогнать под контроль, всё сделать предсказуемым, овладеть всем временем нашей жизни, – согласилась с подругой Мия. – Это неконтролируемая сила, которая всегда над нами преобладает, мы против нашей воли, хотим мы того или нет, сами же привносим хаос в порядок, который создаём, потому что несовершенны. Мир возвести в порядок способен только совершенный небесный творец.

– Мир сам по себе стремится вернуться к хаосу. Вещи ломаются, приходят в негодность. Мир в порядок возведён?! Да он изначально хаотичен!

– И как ты думаешь, почему же люди пытаются всё вокруг организовать? – поинтересовалась Мия.

– Не знаю, такова человеческая природа.

– Кем заложенная?

– Сама сформированная.

– Мы интуитивно стремимся к совершенству, потому что в нём были сотворены. В обители господнем. На небесах.

И теперь, попав на землю в испытание и позабыв об истинном доме нашем небесном, мы всеми силами туда обратно стремимся. Как умеем: самосовершенствованием, развитием, но позабыв о вере.

– И что из этого выходит?! Нужно повернуться на религиозности, всё бросить и вернуться в средние века?! – недоумевала Дзюнка.

– Нет, но во всём нашем технологическом прогрессе не сбиваться с истинного пути.

– Что истинный путь, что нет, и так ничего хорошего не выходит, – разочарованно проговорила Дзюнка. – Развитие медицины, кажется, только увеличивает число болезней, а техника почти вся работает на вооружение. Миру служит только музыка, но и она становится всё хуже.

– Да, у людей здесь на земле мало что у самих может толкового получиться без вмешательства Бога, а Он, между прочим, хочет помочь, и тот, кто принимает Его волю, во всём сможет преуспеть.

– И как же? – усмехнулась Дзюнка.

– А ты сперва доверься господу, и сама увидишь. Он будет брать твои лучшие способности и тебя направлять. Будет даже открывать в тебе новые силы и утолять волю твоих истинных желаний, о которых ты, возможно, и сама не подозреваешь, потому что Он дал тебе эти желания.

– Дал желания говоришь?! – голос Дзюнки огрубел, напряжённо снизился, вновь отдавая тоном недовольства. –

Бог дал желание моей матери спиться и меня выбросить как мусор?!

– Не обманывайся. Люди искушают себя сами. Некоторые желания даны нам не в дар, а в испытание. Не все желания от господа, часть из них наши собственные, греховные, рожденные нашей природой. Какие-то желания от всевышнего являются дарами и указывают путь, какие-то, из-за нашего выбора или недоверия, становятся испытаниями, чтобы вместе с господом их пройти, преодолеть и укрепиться в вере. Духовно возрасти. Бывает трудно отличить одно от другого, но если прислушаться, узнать господа, то он, безусловно, подскажет. Отношения с Ним строятся на доверии, а не на защите убеждений, – глаза Мии загорелись, она почувствовала, что подруга хоть немного, но всё же её вдруг поняла.

– Но сейчас это упорно делаешь ты! – обвинительным тоном воскликнула Дзюнка. – Где твои доказательства существования Бога?!

– А так уж они и нужны?! – спросила Мия, не желая быть непонятой или отвергнутой.

– Ты что пришибленная?! Просишь меня поверить в то, чего бездоказательно нет!

– Знаешь, если бы неопровержимые доказательства и были, то все бы не верили, а знали, и сама вера не имела бы смысла. Но это не так. Вера – это то, что питает надежду на невидимого, но любящего Бога. Всевышний даёт свобо-

ду человеку, верить или не верить в Него. Если появятся неопровержимые доказательства веры, тогда это станет фактом, уберёт выбор и ограничит свободу.

– Если бы веры не было, думаю, было бы даже неплохо.

– Вера присутствует так или иначе везде в нашей повседневной жизни. Мы доверяем друг другу, верим в наши планы на будущее, надеемся на возникновение событий, исполнение которых не можем проверить в данный момент.

– Это не одно и то же! – возразила Дзюнка.

– Если вера исчезнет, то что останется? Что будет давать тебе надежду?

– Смотря в чём?

– В том, что ждёт тебя по ту сторону жизни. Или думаешь, она никогда не окончится? Оставшиеся годы пролетят так же быстро, как и эти двадцать пять, не успеешь все пересчитать и запомнить. Ты же сочиняешь музыку, у тебя богатое воображение, просто представь, ну вот ты состаришься, а что будет потом? Отдашь себя на съедение мокрицам в земле? Ты действительно думаешь, что это достойная тебя кончина?

Дзюнка задумалась и оставила вопрос без ответа, невольно поселив в сердце Мии веру в то, что она хоть немного, но услышана и, возможно, прощена.

– Ну хорошо, даже если всё и так, как ты утверждаешь, – уклончиво согласилась Дзюнка. – Всё равно мне не по себе от одной только мысли о том, что за мной всё время кто-то наблюдает и контролирует каждый мой шаг.

– Не будь заложницей стереотипов. Ты думаешь, что господь смотрит на тебя сверху, но на самом деле Он смотрит изнутри. Надейся на Него в своих решениях, и ты увидишь, как проявляется Его воля. Ты не марионетка. Бог тобой не управляет. Он даёт возможности, позволяет сделать выбор, но принимать решения ты должна сама.

– Чего он от меня хочет?

– Чтобы ты верила! – обрадовалась Мия.

– А если я этого не хочу? – возмутилась Дзюнка. – Мне кажется это неправильно.

– Что именно? – переспросила Мия.

– Что-либо кому-то насильно навязывать. Будь то закон или религия.

– Нет! Ни в коем случае господь так не поступает! Это, наверное, я спешу, и не так тебе объясняю, раз ты не можешь понять! Всё потому что хочу тебе помочь! – воскликнула Мия, и виновато опустила глаза. – Напротив, Бог даёт свободу. Вопреки всему даже сейчас позволяет тебе самой определиться в выборе отношений с Ним.

Несмотря на то, что Мия продолжала стоять на своём, в этот раз Дзюнка лучше её поняла, но она хотела проверить ещё один домысел.

– Вот представь, – начала Дзюнка, всем видом показывая, что хочет привести хороший пример одного из сидящих в её голове противоречий. – Верил себе человек в какой-нибудь там пантеон, ну к примеру, Олимпийский.

– Опять ты за своё?! – Мия шлёпнула себя по бедру.

– Ну, послушай. Развесь, пожалуйста, свои широкие уши, – призвала подругу Дзюнка, намекая на их чрезвычайно внушительный размер. – Всю жизнь, значит, он грезил туда попасть и старался вести себя по правилам, которые позволили бы ему осуществить мечту. И вот приходит время и попадает, значит, он просто к ангелам на облака. Что скажи, он там будет делать? Сидеть на тучке, свесив ноги, и на арфе играть?!

– В этом случае он там точно не окажется. Это даже допускать неверно! – не согласилась Мия, говоря уже как знающая.

– А куда он попадёт?

– На суд или даже в ад!

– Тем более! Он разочаруется! – строго проговорила Дзюнка.

– Сомневаюсь. Думаю, ему там будет не до разочарований.

– Он хотел встретиться с мудрой Артемидой и прекрасной Афродитой, а их там нет.

– Не волнуйся, он найдёт там себе другую компанию, – улыбчиво ответила Мия.

– Он опечалится от того, что узнает, как всю жизнь обманывался, да и, к тому же, скорее всего будет за не ту веру наказан. Какое же в этом счастье, когда кто-то что-то решает за тебя? Какая в этом свобода? Так что пусть каждый верит в то посмертное благо, в которое считает нужным, и то-

гда только будет всем радость. Разве не в этом и заключается смысл той свободы, о которой ты говоришь?

Пример Дзюнки напомнил Мие недавно произошедшие в её жизни события и возродил похожие чувства, пока она не вспомнила, как до рождения на земле жила в вечности и всю ту нескончаемую радость, какую в ней испытывала. В подруге Мия ощутила ту самую опасность перед ловушкой, в которую сама попадала, и всю жизнь обманывалась. Она ещё больше захотела Дзюнку предостеречь, чтобы та не повторила всю прорву её ошибок. Но зыбкая надежда на понимание подруги обрушивалась. Мия не могла и подумать, что Дзюнка окажется так безнадёжна и на полном серьёзе будет говорить такую бессмыслицу, опираясь в сравнениях на античных богов. Слёзы наворачивались на глаза. Мия не представляла, что творится у Дзюнки в голове раз, она приводит такие примеры. Мия даже не предполагала, что окажется настолько трудно всё, что происходит на самом деле, подруге объяснить. Её до смерти поражала такая легкомысленность! Мия не верила, что Дзюнка находилась в плену настолько глубоких заблуждений! Обиднее всего то, что сама она знала истину, видела всё собственными глазами, но не знала, как её даже близкой подруге донести. Это казалось безуспешно. Мысленно Мия воззвала к помощи господ, надеясь, что Он откликнется и ответ не заставил себя ждать.

Вдруг в неразборчивых сплетениях мыслей возникли слова и словно сами собой сорвались с губ. Мия не могла объ-

яснить происходящее, просто позволила этому случиться.

– Здесь на земле каждый человек волен сам воображать себе мечты. Но всевышний лучше знает всех людей, и все их тайные желания. Они настолько глубокие и заветные, что мы, порой, даже не способны их осознать или выразить. Они простираются далеко за пределы самых сладких земных фантазий. Ничто здесь не сравнится с блаженством на небесах. В тайне мы сами о них мечтаем. Грезим вернуться туда, где появились не телами, а душами. Отсюда у нас голос совести и врождённое чувство справедливости. Мы сами в себе это глубоко запрятали, закрыли. Только ключом веры можем отпереть сердце и осознать, что все радости этого мира лишь тень, искажающая свет. Тень от того, что уготовано нам сверху. Поэтому мифы о Зевсах, Афродитах и в подмётки не годятся спасению в вечной жизни. Это всё неуместные подмены, которые люди придумали себе в необъяснимой нужде знаний об истине.

– Знаешь, это всё звучит довольно интересно и я, пожалуй, подумаю об этом, но ближе к старости, – ехидно проговорила Дзюнка желая, чтобы от неё поскорее отстали.

– Ты так рассуждаешь пока молода и беззаботна, но вспомни себя пять лет назад, и сама поймешь, что всё было по-другому. Это было будто вчера. Ощущения скоротечности тебя не обманут.

Дзюнка смолчала, вспоминая трудное прошлое. С последними доводами Мии оказалось сложно не согласиться.

– Жизнь переменчива. Отпущенное тебе время быстро выйдет, да и вообще может неожиданно оборваться, – призывала её одуматься Мия. – И когда оно иссякнет, будет уже слишком поздно. А если ты выберешь следовать за спасителем сейчас, то твоя жизнь неизбежно изменится во время, отпущенное тебе тут на земле, потому что направлять тебя будет сам господь. Разве может быть проводник лучше? Или ты предпочтёшь блуждать в темноте одна?

– Я думаю, этот вопрос решится рано или поздно с появлением супруга, – кокетливо улыбнулась Дзюнка.

– Отчасти да, может быть, но даже он не даст тебе всей полноты любви, которая идёт от создателя, и вечность, в которой исток единства бесконечен, – отчаянно проговорила Мия и опустила глаза. – Поверь у меня было много мужчин которых я представляла себе мужьями, но с течением времени во мне от них оставалось только разочарование и пустота. Иногда я чувствую себя одинокой и покинутой, и я не хочу, чтобы ты тоже чувствовала себя такой. Я не знала, как так получилось. Я пыталась найти утешение с разными парнями, даже в ущерб нашей группе, но всё заканчивалась одинаково плохо. Я оставалась одна, и горечь моя только росла. Я не знала, где не там свернули в жизни, что вдруг осталась одинока, но теперь, идя рядом с Богом я знаю, что больше никогда не буду брошена. Он будет со мной всегда, ни за что не покинет. Он и всё это время был рядом, только я Его не замечала. Ты тоже можешь в Нём найти спасение, лю-

бовь и счастье. Если собьёмся с тропы, Он нас направит, подаст руку, когда мы упадём, собой от всех проблем и несчастий закроет, от бед убережёт, стоит только Ему довериться.

– Хорошо, будь по-твоему, – сказала Дзюнка, напуганная напористостью подруги. – Пускай твой Бог всеведущ, всемогущ.

– Так и есть, Он и твой тоже. На всех Он общий, единый и в тоже время индивидуальный к каждому, – сказала Мия.

– Возможно, но я, может, хочу больше его узнать, чтобы поверить, например, о его рождении, – проговорила Дзюнка так, будто старалась Мию запутать и задать каверзный вопрос. – Если Бог все создал, то как сам появился?

– Я думаю, так неправильно говорить о том, кто повелевает самым временем и определяет законы всего мира, – задумчиво ответила Мия.

– Получается Он был всегда? Или создан из ничего?

– Я не знаю, но почему бы и нет?

– Но так не бывает! Раз всё появляется и рождается во времени, то невозможно за ним существовать! – твердила Дзюнка.

– Тебе станет это точно известно, когда узнаешь Бога ближе. Он всемогущ и для Него существование вне законов нашего мира не составляет никаких проблем, потому что Он придумал эти законы. Нам изнутри трудно это понять. Мы, как рыбки в аквариуме. Нам тяжело понять всё то, что находится за его пределами и осознать, что весь тот мир, в кото-

ром мы обитаем, создан аквариумистом. Мы даже не знаем, что нас кормит его рука, потому что ей не доверяем, её боимся. От неё расплываемся и её пугаемся, стоит только увидеть ладонь. Зато кидаемся на оставленную ею на поверхности пищу, жадно друг с другом толкаемся, боремся за жизнь. Но стоит одной рыбке чуточку довериться, осмелеть и подплыть к протянутой руке, как она первой будет получать лучший корм. Так действует и господь. Возможно, Он сам откроет тебе ответы на смущающие тебя вопросы, даст источники нужных знаний, как и дал их мне. Но это будут твои вопросы и твои ответы, мне их, возможно, не понять. У тебя появится шанс Ему их задать, если попробуешь. Бог об этом знает и готов помочь. Только нет смысла задавать вопросы, если заранее настроена спорить и не верить в ответы, – сказала Мия.

– Зачем тогда вообще спрашивать?

– Чтобы разобраться.

– Не умничай! Знаешь, это звучит так, как будто что-то есть, потому что это есть и никак иначе. Масло масленное, да и только.

– Ты можешь найти в себе благодать Бога даже сейчас! Всевышний создал мир, так и ты можешь тоже создавать! Как господь творец, так и ты творчиха! Это дар, которым Он тебя с любовью наградил! – гордо проговорила Мия и задумалась над тем, всё ли правильно сказала. – Ты можешь слышать звук из ничего так же, как и я сочинять лирику. Это на-

ша с тобой божья искорка. На самом деле она есть в каждом человеке как нам от Него наследие! Её лишь нужно должным образом раскрыть! Творчество – особый способ людей воспринимать этот мир через только нам доступное выражение!

Мия уже не знала, как подругу убедить. Чтобы уговорить Дзюнку, из кожи вон лезла: обращалась к её таланту, отвечала на все вопросы, но всё напрасно. Неужели она и впрямь капустопустоголовая? Все высказанные противоречия просто не умещалось в голове. Мия не думала, что окажется так тяжело изменить ход её мыслей, и всегда покладистая Дзюнка будет так ожесточена в споре. Невероятно, но Дзюнка упорно защищала свои мировоззренческие убеждения. Ранее Мия думала, что у неё их и вовсе нет. Откуда они взялись – стало настоящей загадкой. Как наивно оказалось думать, что за долгое время дружбы с Дзюнкой она её хорошо узнала. Мия не ожидала открыть подругу с новой, непривычно колкой стороны. Она не знала, что дальше с ней делать. Не представляла, как противостоять. В разговоре Дзюнка была словно сама не своя, но Мия знала, что она непримирима была не с Богом, а прежде всего сама с собой, потому намеревалась продолжать действовать. Хотела спасти подругу прежде всего от самой себя.

– Хорошо, – иронично согласилась Дзюнка и пригласила боковую прядь особенно похожую на лист капусты. – Раз твой Бог так всемогущ, то способен ли Он сделать то, что потом окажется не в силах разрушить?! – спросила она и пере-

вела на Мию полный упрёка хищный взгляд, так будто поймала на лжи.

– А зачем Ему это нужно? К тому же, опять мы говорили, что создание и разрушение – это вопросы действий во времени, а взор Бога простирается над ним во все стороны бытия, – уверенно ответила Мия. – Бог не только всемогущий. Могущество – это одно из измерений силы, а Бог существует повсюду и везде, во всех измерениях, во времени в пространстве, прошлом настоящем и будущем. Бог – это всё. Он неиссякаемый источник прощения и любви. Сила Его созидания бесконечна. Раз уж на то пошло, то господь вечно будет создавать то, что потом и вечно будет разрушать. Он всё меряет в абсолютных величинах, которые трудно применимы изнутри нашего мира, но хорошо ясны снаружи, за его пределами. Это как объяснять мелодии, кто такой композитор. Её мир – гитара, и всё познание его сути упирается в рамки музыкального инструмента. Единственный способ песни узнать, что она кем-то сотворена – это зазвучать, а нам – поверить.

Мия улыбнулась. Ей показался весьма находчивым такой пример.

– Если всё так устроено, как ты говоришь, и создатель так всемогущ, то почему сам не может заставить в него верить? – задумалась Дзюнка.

– У каждого есть выбор. Никто никого не будет принуждать тем более в вопросах веры. Каждый для себя это решает

сам, но за последствия потом сам и отвечает.

– Тебе что в больнице врачи мозги промыли?! – выходила из себя Дзюнка. – Ну пускай я поверю и что я за это получу?

– Вера – уже награда!

– И чем же она награждает?

– У тебя будет самое важное – спасение в вечной жизни.

– И что получается, ну допустим, я соглашусь, получу ключи от рая и могу сразу в него и уйти? Меня же за это не возненавидят? Зачем ждать?

– Покаяние – это не галочка, а стрелка. Это путь длиною в жизнь. Поверив в Бога однажды на протяжении всей жизни нужно стараться следовать за Ним, проявлять послушание и познавать Его волю, – важно ответила Мия.

– Ну а если мне самой отправиться на небеса, меня же там примут с распростёртыми объятьями как новообращённую?

– Кого ты пытаешься обмануть? Бог видит твоё сердце. Ты Его не проведёшь, а сделаешь себе только хуже. К тому же вера без дел мертва! – ответила Мия. – Бог любящий и милосердный, Он тебя сюда зачем-то послал и готов открыть тебе твоё предназначение. Если ты принимаешь волю всевышнего, то уважаешь Его и напрашиваться не будешь.

– Ну вот я и отправлюсь к нему, чтобы всё сразу узнать, – непонимающе возразила Дзюнка.

– Но в небесном мире нет страданий. Бога узнать через то как Он помогает нам переносить страдания, мы можем только на земле. В этом одно из посланных нам земных предна-

значений. Узнать волю Бога мы можем только во время земной жизни, в отведённый нам срок. Когда перед Ним предстанем будет уже поздно. Жизнь нам для того и дана, чтобы мы именно через неё могли открыть всевышнего во всех проявлениях, а не только в счастливых.

– Как это?

– Бог повсюду и везде. Он окружает нас и действует по-особенному в каждый период нашей жизни. Когда мы рождаемся и взрослеем, сопутствует нам в зрелости и заботливо помогает в старости. Пренебречь Его вниманием намеренно прервав один из периодов в жизни – значит нам совершить предательский акт гордости и вразумиться в том заблуждении, что целиком познали Бога и дальше узнавать о Нём уже нечего, – подытожила Мия.

– Да что с тобой такое?! Откуда ты всего этого понабралась?! – спросила Дзюнка с раздражением. – Ты ничем не больна?! А то с твоими ночными похождениями не мудрено всякую гадость подцепить.

– Очень смешно. Ну тебя! Не брызгай слюной! – поморщилась Мия и вытерла со щеки попавшую каплю.

– Ты несёшь чушь лютую! Я уже не знаю, что и думать! Такой ты раньше не была!

Не знаю, чем тебя в больнице обкололи, но вернулась после розыгрыша ты действительно странной!

– Ой ну и ладно! Нечего меня обнюхивать!

– Может со стороны ты и милая и позитивная, но как узна-

ешь ближе – горькая, как запах хризантем или каких-нибудь твоих грязных, ношенных трусов.

– Знаешь, я тоже многое о тебе узнала! – раздосадовано сказала Мия.

– Твоя двусмысленность вместо убежденности приносит неустойчивость. Она не для меня! Так вообще можно всё, что угодно, объяснить, и объяснения будут появляться сами собой, если ты их намеренно ищешь и ждешь! – воскликнула Дзюнка.

Этот довод поставил Мию в сложное положение. Вызывал грусть за неверие подруги и обиду на себя из-за того, что не способна её вразумить. Всё это столкнулось внутри и не давало мыслям покоя.

– Господь любящий говоришь? – язвительно переспросила Дзюнка. – Тогда пусть объяснит мне, почему всё детство заставил меня страдать? Где был твой милостивый бог, когда меня насиловали и избивали в детдоме?! Ты жила в счастливой семье и не знаешь кого это когда над тобой каждый день издеваются сверстницы, и ты не можешь от них спастись потому что живёшь с ними в одной комнате! Они пачкают твою одежду в дерьме, обсыкают постель! Тебе даже некому пожаловаться потому что воспитателям пофиг на тебя, и ты не можешь убежать потому что это единственное место где тебя кормят. Если убежишь, то тебя будут искать, а если найдут, то отомстят и сделают ещё хуже. Меня изнасиловали в 14 лет! Какой я выросла?! Кем я могла стать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.